

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

Макканн и другие против Соединенного Королевства . . . 2
[McCann and Others v. United Kingdom]
(жалоба № 18984/91)

По делу обжалуется убийство сотрудниками сил безопасности членов семей заявителей, подозревавшихся в причастности к Ирландской республиканской армии и приготовлении к совершению террористического акта.

По делу допущено нарушение статьи 2 Конвенции.

Пердиган против Португалии 41
[Perdigão v. Portugal]
(жалоба № 24768/06)

Заявители жаловались на то, что компенсация за экспроприацию их имущества, которая была им присуждена, в итоге полностью поглощалась суммой, которую они должны были выплатить государству в качестве возмещения судебных расходов.

По делу допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Научное электронное
периодическое издание

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека.
Специальный выпуск
№ 9 (41) 2020

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

Дата подписания
к использованию
9.11.2020 г.

Перевод текстов
ООО «Развитие правовых систем»

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцешская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350-0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

Минимальные системные
требования
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ; 20 Мб свободного
места на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции. Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2020
© ООО «Развитие
правовых систем», 2020

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека

© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

Жизнь и собственность – два основных понятия, альфа и омега человеческого бытия, которые защищаются *homo sapiens* с момента осознания себя таковым. И сейчас, во втором тысячелетии, ничего не изменилось, и право на жизнь, право на собственность, будучи сакрализованными с давних времен, защищаются национальными и конвенционными нормами.

Право на жизнь, гарантированное статье 2 Конвенцией, и дела, связанные с условиями ее применения, вызывают наиболее острые вопросы правового, этического порядка. И результатом этих дискуссий бывает вынесенное Европейским Судом решение с сопутствующим ему особым мнением судей, чья позиция не в полной мере или совсем не совпадает с мнением большинства. Тем интереснее увидеть раскрытие оценочной позиции по такому важному вопросу, как действия властных органов по организации военных специальных операций по предотвращению действий террористов, потенциально несущих в себе угрозу жизни неограниченному кругу мирных граждан, и в каких обстоятельствах возможно, по мнению судей, отступление от фундаментальных положений Конвенции.

В деле «Пердиган против Португалии» рассматривается защита собственности в обстоятельствах экспроприации земли с последующим спором с государством относительно оценки размера компенсации и расчета неполученной прибыли. Европейский Суд встал на защиту бывших собственников, лишившихся земли и оставшихся в долгу перед государством за понесенные им судебные расходы. Нахождение справедливого баланса между публичными и частными интересами привело Суд к решению обязать власти выплатить заявителям 190 000 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда.

*Макканн и другие против Соединенного Королевства
(McCann and Others v. United Kingdom) (жалоба № 18984/91)
Постановление от 27 сентября 1995 г.*

Заявители, граждане Ирландии и подданные Соединенного Королевства, Маргарет Макканн, Даниэл Фаррелл и Джон Сэвидж, являются родителями Даниэля Макканна, Майред Фаррелл и Шона Сэвиджа, которые были застрелены 6 марта 1988 г. в Гибралтаре военнослужащими британской армии по подозрению в приготовлении к совершению террористического акта. Ни оружия, ни дистанционного устройства ни у кого из трех подозреваемых обнаружено не было. В результате рассмотрения дела по факту гибели подозреваемых жюри присяжных вынесло вердикт о правомерности действий офицеров. Заявители предъявили иски Министерству обороны в Высоком суде Северной Ирландии. Однако в ирландском суде оказался невозможным процесс против Короны, и в рассмотрении дела было окончательно отказано.

Европейский Суд отметил, что не убежден, что лишение жизни представляло собой применение силы, абсолютно необходимой для защиты людей от противоправного насилия по смыслу статьи 2 Конвенции.

*Пердиган против Португалии (Perdigão v. Portugal) (жалоба № 24768/06)
Постановление от 16 ноября 2010 г.*

Заявители в результате судебного разбирательства по требованию компенсации за экспроприацию их земли, включавшую прибыль, которую они могли получить в результате эксплуатации карьера на экспроприированной земле, оказались обязанными уплатить государству сумму в 15 000 евро в виде понесенных судебных издержек как проигравшая сторона. Европейский суд решил, что в отношении заявителей было нарушено справедливое равновесие, которое должно достигаться между общественным интересом и фундаментальными правами лица в случаях экспроприации собственности, поскольку ни действия заявителей, ни инициированные ими процессуальные меры не могли оправдать столь высокие судебные издержки, которые привели к полному отсутствию компенсации за экспроприацию.

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Макканн и другие (McCann and Others) против Соединенного Королевства»¹

(Жалоба № 18984/91)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург, 27 сентября 1995 г.

По делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства»² Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд), заседая в соответствии с правилом 51 Регламента А Европейского Суда³ Большой Палатой в составе:

Рольфа Риссдала, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Рудольфа Бернхардта,

Тора Вильямссона,

Фейяза Гельчюкю,

Карла Руссо,

Альфонса Шпильманна,

Николаса Валतिकоса,

Элизабет Пальм,

Раймо Пекканена,

Хосе Мария Моренилы,

сэра Джона Фриленда,

Андраша Бака,

Мануэля Антонио Лопеса Роча,

Джузеппе Мифсуда Бонничи,

Ежи Макарчика,

Богумила Репика,

Петера Ямбрека,
Пранаса Куриса,
Уно Лёхмуса, *судей,*

а также при участии Герберта Петцольда, *Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 20 февраля и 5 сентября 1995 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано на рассмотрение Европейского Суда 20 мая 1994 г. Европейской комиссией по правам человека с соблюдением трехмесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело было инициировано жалобой (№ 18984/91), поданной гражданами Ирландии и Соединенного Королевства Маргарет Макканн (*Margaret McCann*), Даниэлем Фарреллом (*Daniel Farrell*) и Джоном Сэвиджом (*John Savage*) в Европейскую комиссию по правам человека против Соединенного Королевства в соответствии со статьей 25 Конвенции 14 августа 1991 г. Заявители являются членами семей Даниэля Макканна (*Daniel McCann*), Майред Фаррелл (*Mairread Farrell*) и Шона Сэвиджа (*Sean Savage*) (см. ниже § 23).

Европейская комиссия по правам человека в своем запросе ссылалась на статьи 44 и 48 Конвенции и на декларацию, в которой Соединенное Королевство признало обязательную юрисдикцию Европейского Суда (статья 46 Конвенции). Целью запроса Европейской комиссии по правам человека было получение решения по обстоятельствам дела о наличии нарушения властями Соединенного Королевства своих обязательств по статье 2 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом «d» пункта 3 правила 33 Регламента А Европейского Суда, заявители сообщили, что они хотят принять участие в рассмотрении дела, и назначили адвокатов, которые должны были представлять их интересы (правило 30 Регламента Европейского Суда).

3. Палата Европейского Суда, которая должна была рассмотреть дело, включала *ex officio* судью, избранного от Соединенного Королевства, сэра Джона Фриленда (статья 43 Конвенции) и Председателя Европейского Суда Р. Риссдала (подпункт «b» пункта 3 правила 21 Регламента Европейского Суда). 28 мая 1994 г. в присутствии Секретаря-канцлера Европейского Суда Председатель Европейского Суда с помощью жребия выбрал следующих семь судей: Т. Вильямссона, Ф. Гельчюкю, А. Шпильманна,

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» под редакцией Ю.Ю. Берестнева.

² Первоначально дело имело № 17/1994/464/545. Первое число означает позицию дела в списке дел, переданных в Европейский Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают на номер дела в списке дел, переданных в Европейский Суд после его возбуждения, и в списке соответствующих жалоб, поданных в Европейскую Комиссию.

³ Регламент А применяется ко всем делам, переданным в Европейский Суд до вступления в силу Протокола № 9 (1 октября 1994 г.), а после этого только к делам, касающимся государств, не связанным Протоколом № 9. Они соответствуют Регламенту Европейского Суда, вступившему в силу 1 января 1983 г., впоследствии несколько раз измененному.

Э. Пальм, А.Н. Луазу, М.А. Лопеса Роча и П. Ямбрека (статья 43, *in fine*, Конвенции и пункт 4 правила 21 Регламента Европейского Суда).

4. Действуя в качестве Председателя Палаты (пункт 5 правила 21 Регламента Европейского Суда), Р. Риссдал через Секретаря Европейского Суда провел консультации с Уполномоченным Соединенного Королевства при Европейском Суде, адвокатами заявителей и делегатом Европейской комиссии по правам человека по вопросу об организации письменной процедуры (пункт 1 правила 37 и правило 38 Регламента Европейского Суда). Согласно порядку, установленному в дальнейшем, в Секретариат Европейского Суда 3 и 4 ноября 1994 г. были поданы меморандумы властей Соединенного Королевства, 22 ноября 1994 г. – меморандум заявителей, а 18 и 25 января 1995 г. – их требования о справедливой компенсации в соответствии со статьей 50 Конвенции. Секретарь Европейской комиссии по правам человека впоследствии проинформировал Секретаря-канцлера Европейского Суда о том, что делегат Европейской комиссии по правам человека не выразил намерения представлять письменные комментарии по поданным меморандумам.

5. 21 сентября 1994 г. Председатель Европейского Суда на основании пункта 2 правила 37 Регламента Европейского Суда удовлетворил ходатайство организации «Международная амнистия» (*Amnesty International*) о представлении письменных комментариев по отдельным аспектам дела. В тот же день под определенным условием организации «Либерти» (*Liberty*), Комитету по отправлению правосудия, следствия (*Committee on the Administration of Justice, Inquest*) и организации «Бритиш-Айриш Райтс Вотч» (*British-Irish Rights Watch*) было разрешено представить совместные письменные комментарии. Соответствующие комментарии были получены 16 ноября и 2 декабря 1994 г.

6. 21 сентября 1994 г. Палата Европейского Суда решила незамедлительно уступить свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты (пункт 1 правила 51 Регламента Европейского Суда). В соответствии с подпунктами «а» и «б» пункта 2 правила 51 Регламента Европейского Суда Большая Палата, которая должна была рассмотреть дело, состояла *ex officio* из Председателя и заместителя Председателя Европейского Суда (Р. Риссдала и Р. Бернхардта), а также других членов Палаты, которая уступила свою юрисдикцию. Однако судья А.Н. Луазу заявил самоотвод и был освобожден от участия в рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда). 24 сентября 1994 г. в присутствии Секретаря-канцлера Европейского Суда Председатель Европейского Суда с помощью жребия выбрал остальных судей, призванных дополнить состав Большой Палаты: К. Руссо, Н. Валтикоса, Р. Пекканена, Х.М. Моренилы,

А.Б. Бака, Дж. Мифсуда Бонничи, Е. Макарича, Б. Репика, П. Куриса и У. Лёхмуса.

7. 15 февраля 1995 г. власти Соединенного Королевства представили краткое изложение некоторых вопросов, затронутых заявителями и лицами, представившими замечания в своих меморандумах.

8. В соответствии с решением Председателя Европейского Суда 20 февраля 1995 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось открытое слушание по настоящему делу. Предварительно Европейский Суд провел подготовительную встречу и решил принять представленное властями Соединенного Королевства краткое изложение.

9. В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Соединенного Королевства:

М.Р. Итон (*M.R. Eaton*), сотрудник Министерства иностранных дел и по делам Содружества, заместитель юрисконсульта, Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском Суде,

С. Ричардс (*S. Richards*),

Дж. Иди (*J. Eadie*),

Н. Лавендер (*N. Lavender*), барристеры, представители,

Д. Сеймур (*D. Seymour*), сотрудник Министерства внутренних дел,

С. Амблер-Эдвардс (*S. Ambler-Edwards*), сотрудник Министерства обороны,

Д. Пикап (*D. Pickup*), сотрудник Министерства обороны, советники;

(б) со стороны Европейской комиссии по правам человека:

сэр Бэзил Холл (*Basil Hall*), делегат;

(с) со стороны заявителей:

Д. Корфф (*D. Korff*), представитель,

Б. Макгрори (*B. McGrory*), солиситор.

Европейский Суд заслушал выступления сэра Бэзила Холла, Д. Корффа, Б. Макгрори и С. Ричардса.

10. По запросу Европейского Суда власти Соединенного Королевства предоставили 9 марта 1995 г. ряд постановлений судов Соединенного Королевства и Северной Ирландии, касавшихся применения силы сотрудниками сил безопасности, повлекшей смерть человека.

11. 23 марта 1995 г. заявители представили свой ответ на краткое изложение дела властями Соединенного Королевства.

ФАКТЫ

12. Нижеизложенные факты, описанные Европейской комиссией по правам человека в докладе от 4 марта 1994 г. (см. ниже §§ 132–142), получены главным образом на основании копий доказательств, собранных следственными органами Гибралтара (*Gibraltar inquest*) (см. ниже § 103).

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

13. До 4 марта 1988 г. и, вероятно, по крайней мере, с начала 1988 года властям Соединенного Королевства, Испании и Гибралтара стало известно о том, что организация «Временная ИРА» (Ирландская республиканская армия, далее – ИРА) планировала совершить террористический акт в Гибралтаре. Из полученных разведанных и наблюдений полиции Гибралтара следовало, что целью атаки должен был стать сборный пункт к югу от Инс Холла (*Ince's Hall*), в котором Королевский английский полк (*Royal Anglian Regiment*) обычно собирался для смены караула каждый вторник в 11.00.

14. До 4 марта 1988 г. была сформирована консультативная группа для дачи рекомендаций и оказания помощи комиссару полиции Гибралтара (*Gibraltar Commissioner of Police*) Джозефу Канепе (*Joseph Canepa*) (далее – комиссар). В состав группы входили военнослужащие F (старший военный советник и офицер воздушно-десантных частей особого назначения, далее – САС), E (командир штурмовой группы), G (советник по обезвреживанию неразорвавшихся бомб), Коломбо (*Colombo*) (исполняющий обязанности заместителя комиссара полиции), детектив – старший инспектор Алджер (*Ullger*), прикомандированный к Специальной службе (*Special Branch*), а также сотрудники службы безопасности. Комиссар дал поручения по подготовке оперативных мер для контроля за ситуацией.

A. ПРАВИЛА ВСТУПЛЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОПЕРАЦИЮ

15. Военнослужащий F и его группа, в том числе военнослужащий E и некоторые сотрудники САС, прибыли в Гибралтар до 4 марта 1988 г. Предварительный инструктаж с ними был проведен Министерством обороны в г. Лондоне. В соответствии с правилами вступления военнослужащих в операцию (озаглавленными «Правила вступления в операцию для военнослужащего Флавия, командующего операцией» (*Rules of Engagement for the Military Commander in Operation Flavius*), далее – правила), выданными военнослужащему F Министерством обороны, целью Вооруженных сил в Гибралтаре было оказание помощи полиции Гибралтара в задержании боевого подразделения ИРА (*active service unit, ASU*), если полиция попросит вмешательства военнослужащих. В правилах указывалось, что военнослужащий F должен подчиняться приказам комиссара.

16. В правилах также перечислялись обстоятельства, при которых применение силы военнослужащими было допустимым:

«Применение силы

4. Вы и ваши люди не будут применять силу без запроса старшего(-их) офицера(-ов) поли-

ции, назначенного(-ых) комиссаром полиции Гибралтара, либо если такое применение силы не будет необходимым для защиты жизни. Вы и ваши люди не должны в этом случае применять силу сверх необходимого для защиты жизни...

Открытие огня

5. Вы и ваши люди могут открывать огонь по человеку, только если у вас или у них имеются разумные основания полагать, что он/она в этот момент совершает или готовится совершить деяние, способное подвергнуть опасности вашу или их жизнь либо жизнь другого лица, и если другими способами эта опасность не может быть предотвращена.

Стрельба без предупреждения

6. Вы и ваши люди могут стрелять без предупреждения, если такое предупреждение или промедление в открытии огня может привести к смерти или ранению вас лично или их, или другого лица, а также если дача предупреждения явно невозможна.

Предупреждение перед стрельбой

7. Если обстоятельства, указанные в пункте 6, неприменимы, перед стрельбой требуется сделать предупреждение. Предупреждение должно быть, насколько это возможно, четким и включать приказ сдаться и четкое предупреждение о том, что в случае неисполнения этого приказа будет открыт огонь».

V. ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ КОМИССАРА

17. В оперативном приказе комиссара, который был подготовлен до 5 марта 1988 г., говорилось, что имелись подозрения о планировании террористического акта в Гибралтаре, целями которого должны были стать с высокой долей вероятности оркестр и караул первого батальона Королевского английского полка во время церемонии смены караула на Инс Холле 8 марта 1988 г. Указывалось, что были «признаки того, что террористический акт будет совершен с помощью взрывных устройств, возможно, заминированного автомобиля». Затем были перечислены цели операции:

- «(а) защитить жизнь;
- (b) предотвратить покушение;
- (c) задержать преступников;
- (d) нейтрализовать и заключить преступников под стражу».

18. Среди методов проведения операции значились полицейское наблюдение и выделение достаточного количества сотрудников, надлежащим образом оснащенных для реагирования на любые непредвиденные обстоятельства. Кроме того, указывалось, что для задержания подозреваемых необходимо использовать минимально необходимую силу, что они должны быть разоружены,

а также что должны быть собраны доказательства для судебного разбирательства. К приказу прилагались, *inter alia*, списки выделяемых сотрудников полиции, правила применения огнестрельного оружия и руководство для сотрудников полиции по использованию огнестрельного оружия (см. ниже §§ 136 и 137).

С. ПЛАН ЭВАКУАЦИИ

19. План эвакуации из зоны ожидаемого террористического акта был составлен до 5 марта 1988 г. старшим инспектором Лопесом (*Lopez*). Он должен был быть осуществлен в понедельник или во вторник (7 или 8 марта). В плане описывались мероприятия по эвакуации и оцеплению территории вокруг Инс Холла в радиусе 200 метров, определялись подъездные пути, которые следовало перекрыть, уточнялись необходимые объездные пути, а также перечислялись имена сотрудников, назначенных для реализации этого плана. Однако данный план не был передан другим офицерам.

Д. ЦЕНТР КОНТРОЛЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ СОВМЕСТНЫХ ОПЕРАЦИЙ

20. Операция в Гибралтаре по предотвращению предполагаемого террористического акта контролировалась центром контроля за проведением совместных операций, расположенным в центре Гибралтара. Центр контроля за проведением совместных операций состоял из трех групп: армейской, или военной группы (включавшей сотрудников САС и по обезвреживанию неразорвавшихся бомб), полицейской и наблюдателей, или группы обеспечения безопасности. У каждой группы были свои средства связи с оперативными сотрудниками, управлявшиеся из отдельных диспетчерских пунктов. В то же время основными использовавшимися средствами связи были две сети радиосвязи, известные как сеть наблюдения и тактическая или военная сеть. Имелась сеть по обезвреживанию неразорвавшихся бомб, которая не использовалась, а также, хотя у полиции была своя сеть, она считалась небезопасной, и в случае необходимости для связи с центральным полицейским участком использовались телефоны.

Е. ПЕРВОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В ИСПАНИИ 4 МАРТА 1988 г.

21. 4 марта 1988 г. поступили сведения о том, что боевое подразделение ИРА было замечено в г. Малага, Испания. В связи с тем, что у комиссара не было уверенности относительно того, как и когда подозреваемые придут в Гибралтар, за ними было установлено наблюдение.

Ф. ОПЕРАТИВНЫЙ ИНСТРУКТАЖ 5 МАРТА 1988 г.

22. В полночь с 5 на 6 марта 1988 г. комиссар провел инструктаж, на котором присутствовали сотрудники служб безопасности (в том числе от команды наблюдения свидетели H, I, J, K, L, M и N), военнослужащие (в том числе A, B, C, D, E, F и G) и сотрудники полиции Гибралтара (офицеры P, Q и R и детектив – старший инспектор Алджер, глава Специальной службы, а также детектив-констебль Вайагас (*Viagas*)).

Комиссар разъяснил полицейские аспекты операции, сотрудники служб безопасности прокомментировали разведывательные аспекты, командир команды наблюдения остановился на операции по наблюдению, а военнослужащий E объяснил роль военнослужащих, если они будут призваны на помощь. По-видимому, затем участники инструктажа разделились на небольшие группы, а E продолжил инструктировать военнослужащих, находившихся под его командованием. Инструктаж по-прежнему проходил в том же месте.

Комиссар разъяснил также правила применения силы и огнестрельного оружия и обратил внимание сотрудников полиции на важность сбора доказательств для того, чтобы впоследствии можно было предать террористов суду.

23. Инструктаж, проведенный представителями служб безопасности, среди прочего включал следующие предположения:

«(а) ИРА планирует совершить террористический акт во время церемонии смены караула на пункте сбора возле Инс Холла во вторник утром 8 марта 1988 г.;

(б) для совершения террористического акта должно быть направлено боевое подразделение ИРА в составе трех человек: Даниэля Макканна, Шона Сэвиджа и еще одного лица. Позднее было установлено, что третьим лицом была Майред Фаррелл. Макканн ранее был судим и приговорен к двум годам лишения свободы за хранение взрывчатых веществ. Фаррелл ранее была судима и приговорена к 14 годам лишения свободы за организацию взрывов. Во время ее содержания в тюрьме она была известна как признанный лидер группы заключенных, связанных с ИРА. Сэвидж описывался как специалист по изготовлению взрывных устройств. Были показаны фотографии троих подозреваемых;

(в) трое подозреваемых считаются опасными террористами, которые, скорее всего, будут вооружены и которые, если столкнутся с силами безопасности, вероятно, используют оружие;

(г) террористический акт предположительно будет совершен при помощи заминированного автомобиля. Предполагается, что взрывное устройство будет перевезено через границу в транспортном средстве и что оно останется спрятанным в этом транспортном средстве;

(е) возможно использование «блокирующего» автомобиля, то есть автомобиля, не содержаще-

го взрывное устройство, но припаркованного у пункта сбора для резервации места для автомобиля со взрывным устройством, рассматривалась, но была признана маловероятной.

Согласно показаниям старшего сотрудника служб безопасности О, данным следствию, эта возможность была исключена в связи с тем, что (1) для этого потребовались бы два рейса, (2) в этом не было необходимости, так как ночью или утром во вторник были бы свободные парковочные места, 3) существовала возможность того, что блокирующий автомобиль сам будет заблокирован вследствие небрежной парковки. Предполагается, что боевое подразделение ИРА прибудет на место в последний момент ночью или утром вторника. Вместе с тем старший инспектор Лопес, не присутствовавший на инструктаже, сказал, что он не стал бы доставлять бомбу во вторник, поскольку стоянка могла быть занята, и было бы сложно найти место для парковки».

1. Способ приведения в действие взрывного устройства

24. В ходе инструктажа описывались различные способы приведения в действия взрывного устройства: с помощью часового механизма, радиоуправляемого взрывного устройства и по проводам. Последний вариант, требовавший установки взрывного устройства, соединенного проводами с детонатором, был исключен как невыполнимый в данных обстоятельствах. Использование таймера, по словам О, было признано крайне маловероятным с учетом незадолго до этого организованного ИРА в Эннискиллене (*Enniskillen*)¹ приведения в действие взрывного устройства с помощью часового механизма, приведшего к большому количеству пострадавших среди гражданских лиц. Использование устройства дистанционного управления было признано гораздо более вероятным, так как оно было безопаснее для самого террориста, который мог уйти подальше от взрывного устройства прежде, чем оно взорвется, лучше поддавалось контролю, чем часовой механизм, который после активации практически было невозможно остановить.

25. Воспоминания других участников инструктажа по данному вопросу различаются. Свидетели из числа сотрудников полиции вспомнили, что обсуждались и часовой механизм, и устройство с дистанционным управлением. Комиссар и его заместитель ожидали с равной долей вероятности использования любого из этих устройств. Старший инспектор Алджер вспомнил, что особо подчеркивалось, что более вероятным было признано использование устройства с дистанционным управлением. Сотрудники из отряда наблюдения также полагали, что акцент был сделан на использовании устройства с дистанционным управлением.

¹ Энниски́ллен – город на западе Северной Ирландии, центр графства Фермана (примеч. переводчика).

26. Свидетели из числа военнослужащих, по-видимому, были убеждены в том, что должно было быть использовано устройство с дистанционным управлением. Военнослужащий F не упоминал часового механизма, а отметил, что во время инструктажа им сказали, что это должна была быть «кнопочная работа», то есть радиоуправляемая детонация взрывного устройства после нажатия кнопки. Он считал, что существовала директива ИРА не повторять кровавой бойни, устроенной в результате недавнего взрыва в Эннискиллене, а также свести к минимуму потери среди невинного гражданского населения. Предполагалось, что террористам было известно о том, что в случае дождя парад будет отменен, и тогда, если бы был использован часовой механизм, они остались бы со взрывным устройством, которое сработало бы бесконтрольно.

Военнослужащий E также сообщил, что в ходе инструктажа их проинформировали о том, что взрывное устройство будет приведено в действие при помощи кнопки. В ответ на вопрос присяжного он сказал, что была дискуссия с военнослужащими по поводу того, что была велика вероятность того, что им придется стрелять на поражение, учитывая очень короткий временной интервал, предоставляемый «кнопочной работой».

27. Военнослужащие A, B, C и D сообщили, что на инструктаже им сказали, что устройство будет радиоуправляемым. Военнослужащий C отметил, что E подчеркнул для них, что это должна была быть кнопка.

2. Возможность того, что террористы приведут в действие взрывное устройство в случае столкновения

28. Военнослужащий O рассказал, что рассматривался вариант, при котором, если бы подрыв осуществлялся с помощью радиоуправления, существовала вероятность того, что подозреваемые в случае столкновения могли попытаться привести в действие взрывное устройство.

Военнослужащий F также вспомнил, что предполагалось, что устройство могло находиться у любого из троих подозреваемых. В ответ на указание на противоречие данного предположения оценке желаний ИРА минимизировать потери среди гражданского населения F сообщил, что террористы подорвали бы взрывное устройство, чтобы достигнуть хоть какого-нибудь пропагандистского результата. Он сказал, что сотрудники разведки в ходе инструктажа подчеркивали, что террористы, будучи загнанными в угол, вероятно, попытаются взорвать бомбу.

Военнослужащий E подтвердил, что, как им сказали, трое подозреваемых были безжалостны и в случае столкновения могли прибегнуть к любому оружию или «кнопке», которые могли оказаться

при них. Он обратил особое внимание своих военнослужащих на то, что существовала большая вероятность того, что, по крайней мере, один из подозреваемых должен был иметь при себе кнопку.

По сути то же самое вспомнили военнослужащие С и D. Военнослужащий В не помнил, чтобы им говорили о том, что террористы попытаются детонировать взрывное устройство в случае задержания, но знал о такой возможности по собственному опыту. Их предупредили о том, что подозреваемые были крайне опасны, преданы своим идеям и фанатичны.

30. Судя по всему, в ходе инструктажа не состоялось какого-либо обсуждения относительно возможного размера, способа активации или ожидаемого радиуса действия устройства с дистанционным управлением. Военнослужащие, по-видимому, получили информацию на собственных инструктажах. Военнослужащий F не знал, какого точно размера мог быть радиодетонатор, но ему сказали, что устройство будет достаточно маленьким, чтобы его можно было спрятать в одежде. Военнослужащему D сообщили, что устройство может оказаться маленьким и что оно может быть приведено в действие путем нажатия всего одной кнопки.

31. Что касается радиуса действия устройства, военнослужащий F пояснил, что военнослужащим сказали, что имевшееся в распоряжении ИРА радиуправляемое оборудование было способно обеспечить приведение в действие взрывного устройства на расстоянии до полутора миль.

Г. СОБЫТИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ 6 МАРТА 1988 г.

1. Расположение военнослужащих А, В, С и D

32. Центр контроля за проведением операций открылся в 8.00. Комиссар дежурил в центре с 10.30 до 12.30. Когда он ушел, его место занял заместитель комиссара Коломбо. Сотрудники групп наблюдения дежурили на улицах Гибралтара, как и военнослужащие А, В, С и D и сотрудники полиции, участвовавшие в операции. Военнослужащие А, В, С и D были одеты как гражданские лица и вооружены каждый 9-миллиметровым пистолетом Браунинг, висевшим сзади на поясе брюк. Каждый из них имел тайную рацию. Они работали парами. В каждой паре один военнослужащий находился на радиосвязи с тактической сетью, а другой – с сетью наблюдения. Сотрудники полиции P, Q и R, которые были обязаны оказать военнослужащим помощь в задержании, также были в гражданской одежде и вооружены.

2. Слежка на границе

33. 6 марта 1988 г., в 8.00, детектив-констебль Хуарт (*Huart*) отправился на границу, чтобы сле-

дить за тремя подозреваемыми из компьютерного зала иммиграционной службы Испании. Ему были известны настоящие имена троих подозреваемых, и он видел их фотографии. У сотрудников испанских службы были фотографии. Компьютерный зал располагался на некотором удалении от пункта пересечения границы. Сотрудники иммиграционной службы Испании показывали ему паспорта с помощью средств визуальной связи. По-видимому, они показывали ему только паспорта пассажиров автомобилей, в которых ехали двое мужчины и одна женщина. В течение дня ему показали несколько снимков, но он не узнал подозреваемых. В ходе перекрестного допроса на следствии он сначала не вспомнил, чтобы ему сообщали какие-либо вымышленные имена, которые могли быть использованы подозреваемыми. Однако затем ему показалось, что он вспомнил, что в отношении Сэвиджа упоминалось имя «Койн» (*Coyne*), а также что в рассматриваемое время ему, как и сотрудникам иммиграционной службы Испании, должны были быть известны вымышленные имена всех троих подозреваемых. Старший инспектор Алджер, который инструктировал Хуарта, но не помнил, чтобы до 6 марта упоминалось имя «Койн», и помнил лишь имя «Рейлли» (*Reilly*), использовавшееся применительно к Макканну. Однако если Хуарт вспомнил об этом, значит, несомненно, так и было.

34. Со стороны границы Гибралтара сотрудники таможни и полиции, дежурившие в тот день, не были проинформированы или привлечены к наблюдению в связи с тем, что иначе потребовалось бы распространить информацию среди слишком большого количества людей. Не было предпринято каких-либо мер для того, чтобы замедлить поток въезжавших машин либо просматривать все паспорта, поскольку предполагалось, что это может привести к тому, что подозреваемые будут начеку. Тем не менее на границе находилась отдельная команда наблюдения, а возле аэропорта – группа задержания. Свидетель M, руководивший командой наблюдения на границе, выразил разочарование в связи с очевидным отсутствием взаимодействия между различными группами, действовавшими в Гибралтаре, но он понимал, что всё было организовано подобным образом из соображений безопасности.

35. На следствии старший инспектор Алджер, когда его спросили о причинах непринятия более тщательных мер со стороны Гибралтара, сообщил следующее:

«В данном конкретном случае мы говорим об опасных террористах. Мы говорим об очень важной и сложной операции, операции, которая была обязана быть успешной. Я считаю, что единственный путь к успеху операции заключался в том, чтобы разрешить террористам въехать, а также, чтобы с террористами поступили так, как с ними разобрались, в части, касающейся наблюдения».

36. Хотя военнослужащие E и F подчеркнули, что предпочтительным военным вариантом были перехват и задержание подозреваемых на границе, по-видимому, он не был выбран ввиду предположения о том, что идентификация будет невозможна в связи с коротким периодом, выделяемым для идентификации (10–15 секунд на автомобиль), и отсутствием предварительного предупреждения с испанской стороны.

3. Варианты задержания: стратегия консультативной группы

37. Военнослужащий F пояснил, что вариант, которому отдавали предпочтение военнослужащие, сводился к задержанию подозреваемых в момент, когда они будут идти по пункту сбора, их обезоруживанию и последующему обезвреживанию взрывного устройства. Он также сослался на четыре ключевых показателя, сформулированных консультативной группой в целях инструктирования комиссара:

- «1. Если автомобиль въехал в Гибралтар и припаркован около пункта сбора неустановленным членом боевого подразделения ИРА.
2. Если автомобиль под управлением члена боевого подразделения ИРА подъехал к пункту сбора без предварительного предупреждения.
3. Присутствие в Гибралтаре других членов боевого подразделения ИРА.
4. Если имелись явные признаки того, что террористы после парковки автомобиля планировали покинуть Гибралтар, то есть направлялись к границе».

План состоял в том, чтобы произвести задержание сразу после того, как все члены боевого подразделения ИРА будут находиться на месте, будут установлены и припаркуют автомобиль, который они намеревались покинуть. Любое иное действие до этого момента рассматривалось как преждевременное, поскольку оно могло вызвать подозрения у незадержанных членов боевого подразделения с вытекающими возможными рисками, а также как не оставляющее для полиции доказательств, которые могли бы быть использованы в суде.

4. Обнаружение Сэвиджа

38. Детектив-констебль Вайагас вел наблюдение из окна банка, выходящего на площадь, на которой, как предполагалось, террористами будет припаркован автомобиль. Примерно в 12.30 он по сети наблюдения услышал сообщение о том, что машина остановилась на парковке в пункте сбора. Сотрудник службы безопасности сообщил, что водитель не сразу вышел из машины и возился с чем-то между сиденьями. Детектив-констебль Вайагас видел, как мужчина закрыл дверь автомобиля и пошел в направлении Сауспорт Гейт

(*Southport Gate*). Один из присутствовавших сотрудников службы безопасности проконсультировал своего коллегу относительно возможного установления личности этого человека, но никто не был в этом уверен. Оперативного сотрудника попросили подтвердить личность данного лица. Детектив-констебль Вайагас с того места, где он находился, сам не смог опознать мужчину.

39. Свидетель N, входивший в группу службы безопасности, осуществлявшей слежку на автостоянке у пункта сбора, вспомнил, что в 12.45 белый автомобиль марки «Рено» подъехал и припарковался на стоянке, через две-три минуты водитель вышел из машины и ушел.

Молодой человек, похожий на подозреваемого, в следующий раз был замечен возле пункта сбора примерно в 14.00. Свидетель N, направленный для проверки личности этого мужчины, увидел подозреваемого примерно в это время и без труда узнал в нем Сэвиджа. Свидетель N также увидел подозреваемого за зданием «Джон Макинтош Холл» (*John Mackintosh Hall*) и примерно в 14.00 доложил по радиации в центр контроля за проведением операций, что он узнал в этом мужчине Сэвиджа и человека, ранее припарковавшего автомобиль у пункта сбора.

Сотрудник Q, дежуривший на улице, вспомнил, что около 14.30 по сети наблюдения он услышал сообщение об опознании Сэвиджа.

40. Однако комиссар не помнил, чтобы ему сообщали об идентификации Сэвиджа до того момента, как комиссар прибыл в центр контроля за проведением совместных операций примерно в 15.00. Коломбо также не помнил, чтобы кто-то говорил с Сэвиджем до тех пор, пока он не встретился с двумя другими подозреваемыми примерно в 14.50. Военнослужащие E и F вспомнили, тем не менее, что о возможном обнаружении Сэвиджа сообщалось около 14.30. Военнослужащий G также сказал, что впервые Сэвидж был опознан в 14.50.

41. По-видимому, существовала определенная временная задержка при получении информации с места событий в центре контроля за проведением совместных операций и передачей этой информации. Военнослужащие E и F, вероятно, владели более актуальной информацией о событиях, чем комиссар, поскольку они внимательно отслеживали сообщения, поступающие по различным сетям, которые, очевидно, не слышали комиссар, сидевший за столом, удаленным от диспетчерских пунктов.

42. За подозреваемым около часа следил свидетель N, который вспомнил, что подозреваемый использовал различные способы ухода от слежки, например, выбирал путь по переулкам. Свидетель N шел за ним примерно 45 минут и считал, что тот был начеку и принимал меры предосторожности, например, останавливался на углах в конце улочек, чтобы проверить, не следит ли кто за ним.

5. Обнаружение Макканна и Фаррелл

43. Свидетель М, осуществлявший наблюдение на границе, сообщил, что двое подозреваемых пересекли границу примерно в 14.30, хотя, очевидно, они не сразу были опознаны. Они передвигались пешком и по имевшейся информации принимали меры для ухода от слежки (Фаррелл часто оглядывалась). За их передвижениями по Гибралтару осуществлялось наблюдение.

44. Военнослужащие Е и F вспомнили, что в 14.30 было получено сообщение о вероятном обнаружении Макканна и Фаррелл, которые передвигались пешком. Комиссар сразу же был проинформирован об этом.

6. Обнаружение троих подозреваемых в пункте сбора

45. Примерно в 14.50 в центр контроля за проведением совместных операций поступило сообщение о том, что подозреваемые Макканн и Фаррелл встретились с мужчиной, опознанным как подозреваемый Сэвидж, и что они трое смотрели на белый «Рено» на автостоянке возле пункта сбора.

Свидетель Н пояснил, что трое подозреваемых провели значительное время, наблюдая за припаркованным автомобилем, как будто, по его мнению, они изучали его с тем, чтобы удостовериться в том, что он абсолютно подходит для использования взрывного устройства. Детектив-констебль Вайагас также следил за тремя подозреваемыми, встретившимися возле автостоянки. Он сообщил, что все эти три человека повернулись в сторону припаркованного автомобиля и смотрели на него. Он указал примерное время 14.55. По его словам, в этот момент службы безопасности идентифицировали всех указанных троих лиц.

В это время была рассмотрена возможность проведения задержания. По данному поводу были озвучены различные воспоминания. Коломбо рассказал, что его спросили, доверит ли он военнослужащим задержание, на что он задал вопрос о том, были ли подозреваемые положительно идентифицированы, и получил ответ, что идентификация составляла 80%. Почти сразу трое подозреваемых отошли от автомобиля и направились в сторону Сауспорт Гейт. Он вспомнил, что направление подозреваемых на юг дало основание для дискуссий относительно того, означало ли это, что трое подозреваемых изучали обстановку и могли вернуться к автомобилю. По этой причине было принято решение не производить задержание в данный момент.

46. В 15.00 Коломбо позвонил комиссару, чтобы проинформировать его о том, что всё более увеличивается вероятность того, что это были Макканн и Фаррелл. Когда комиссар прибыл вскоре после этого, Коломбо сообщил ему, что подозреваемые Макканн и Фаррелл встретились с третьим лицом,

предположительно Сэвиджем, а также что их задержание было почти завершено.

47. Комиссар попросил достоверно установить личности троих подозреваемых. Идентификация была подтверждена к 15.25, когда в центр контроля за проведением совместных операций поступило сообщение о том, что трое подозреваемых вернулись к пункту сбора и прошли мимо него, снова смотря на автомобиль. Подозреваемые двигались на север в направлении от автомобиля. Военнослужащие Е и F вспомнили, что руководство операцией было передано военным, но сразу же было возвращено им, так как комиссар попросил еще раз проверить личности подозреваемых. Подтверждение личности, запрошенное комиссаром, было осуществлено почти сразу же.

7. Осмотр подозрительного автомобиля у пункта сбора

48. После подтверждения личности троих подозреваемых и их ухода с пункта сбора, военнослужащий G осмотрел автомобиль подозреваемых. Он провел внешний осмотр, не притрагиваясь к автомобилю. Он описал его как довольно новый автомобиль марки «Рено» белого цвета. Он не обнаружил ничего необычного внутри автомобиля, ничего явно неуместного или скрытого под сиденьями. Военнослужащий G отметил, что антенна автомобиля, которая была ржавой, не соответствовала возрасту автомобиля. Военнослужащий G находился возле автомобиля менее двух минут. Он вернулся в центр контроля за проведением совместных операций и доложил комиссару, что он считает автомобиль «подозрительной машиной-бомбой». На следствии он объяснил, что это специальный термин, обозначающий автомобиль, припаркованный при подозрительных обстоятельствах, когда имеются все основания полагать, что это машина-бомба, а также что нельзя сказать, что это не машина-бомба.

49. Комиссар вспомнил, что военнослужащий G доложил, что это была подозрительная машина-бомба, поскольку на относительно новом автомобиле была установлена старая антенна. Он сообщил, что в результате они считали его «потенциальным автомобилем-бомбой».

50. Военнослужащий F указал, что антенна делала автомобиль подозрительным, и рассказал, что эта информация была передана всем полевым сотрудникам.

51. Военнослужащий Е был более категоричен и сообщил, что, насколько военнослужащий G мог сказать «после беглого визуального осмотра, он имел возможность подтвердить наше подозрение в том, что они имели дело с машиной-бомбой».

52. Военнослужащий А пояснил, что он был на 100% уверен в том, что в зоне высадки пассажиров находилось взрывное устройство, что у подозреваем-

мых были устройства дистанционного управления и что подозреваемые, вероятно, были вооружены. Это ему сказали по радию. Военнослужащий С вспомнил, что военнослужащий Е подтвердил нахождение в районе Инс Холла взрывного устройства, которое могло быть приведено в действие одним из троих подозреваемых, скорее всего, Сэвиджем, поскольку он ранее «возился» с чем-то в автомобиле. Военнослужащему Е также сообщили о наличии старой антенны на новом автомобиле.

Военнослужащий D утверждал, что военнослужащий Е подтвердил ему, что в машине находилось взрывное устройство. По его воспоминаниям, никто не говорил им, что существовала вероятность того, что в воскресенье у подозреваемых при себе могло и не быть устройств дистанционного управления или что в машине могло и не быть установлено взрывных устройств. Военнослужащий Е, которому он всецело доверял, сказал ему, что в машине было взрывное устройство.

53. В ходе следствия военнослужащего G описывали как специалиста по обезвреживанию взрывных устройств. Он имел дело с машинами-бомбами в Северной Ирландии, однако на следствии на все вопросы он отвечал, что не являлся ни экспертом по радиосвязи, ни экспертом по взрывным устройствам. Он не подумал о деактивации подозрительной бомбы путем снятия антенны с автомобиля. Когда на перекрестном допросе ему предложили рассмотреть такой вариант, он согласился с тем, что попытка снятия антенны могла быть потенциально опасной.

8. Передача военнослужащим полномочий по осуществлению задержания

54. Получив сообщение от военнослужащего G и учитывая тот факт, что трое подозреваемых продолжали двигаться на север, оставив автомобиль, комиссар решил, что они должны быть задержаны по подозрению в сговоре о совершении тяжкого преступления – убийства. В 15.40 он подписал запрос, в котором дал указание военнослужащим перехватить и задержать подозреваемых. Запрос, заранее предоставленный военнослужащими, гласил следующее:

«Я, Джозеф Луис Канепа, комиссар полиции, проанализировав террористическую угрозу в Гибралтаре и будучи в полном объеме проинструктированным о плане военнослужащих с применением огнестрельного оружия, прошу вас приступить к реализации военного варианта, который может включать причинение смерти в целях сохранения жизни».

После подписания этого запроса военнослужащий F подошел к тактической сети и отдал приказ о вмешательстве военнослужащих.

Военнослужащий Е уточнил позиции военнослужащих по радию. Военнослужащие С и D осуществляли визуальное наблюдение за передвиже-

ниями троих подозреваемых по Лайн Уолл Роуд (*Line Wall Road*) и Смит Дорриен Авеню (*Smith Dorrien Avenue*). Военнослужащие А и В двигались на север по Кейсмейтс Сквейр (*Casemates Square*) и Лендпортскому туннелю (*Landport tunnel*). Военнослужащие были проинформированы о том, что им были переданы полномочия по задержанию.

55. В соответствии с показаниями, данными на следствии военнослужащими, полицейским R и детективом-констеблем Алджером, до 6 марта 1988 г. военнослужащие несколько раз осуществляли процедуру задержания вместе с полицией. Согласно этим показаниям военнослужащие должны были приблизиться к подозреваемым на близкое расстояние, направить на подозреваемых оружие и крикнуть: «Стоять. Полиция. Руки вверх!», или аналогичные слова. После этого они должны были заставить подозреваемых лечь на землю, вытянув руки в стороны, пока не придут сотрудники полиции для проведения официального задержания. Кроме того, детектив-констебль Алджер сообщил, что особые усилия прилагались для поиска подходящего места в Гибралтаре, где можно было содержать под стражей террористов после их задержания.

56. Достигнув пересечения улиц Смит Дорриен авеню и Уинстон Черчилль авеню, подозреваемые пересекли дорогу и остановились на другой стороне улицы, разговаривая. Офицер R, наблюдая за ними, видел, что они как будто обменялись газетами. В этот момент военнослужащие С и D приблизились к перекрестку со стороны Смит Дорриент авеню. Военнослужащие А и В, выйдя из Лендпортского туннеля, также видели троих подозреваемых на перекрестке со своей позиции на пересечении дороги к туннелю и Коррал Роуд (*Corral Road*).

57. Однако, когда указанные военнослужащие встретились на перекрестке, Сэвидж начал удаляться от Макканна и Фаррелл, двигаясь на юг по направлению к Лендпортскому туннелю. Макканн и Фаррелл продолжили двигаться на север по правой стороне мостовой Уинстон Черчилль Авеню.

58. Сэвидж прошел мимо военнослужащих А и В, задев плечом В. Военнослужащий В собирался развернуться и произвести задержание, но А сказал ему, что они должны продолжать движение в направлении подозреваемых Макканна и Фаррелл, зная, что военнослужащие С и D находятся поблизости и что они задержат Сэвиджа. Военнослужащие С и D, зная, что А и В последовали за Макканном и Фаррелл, пересекли Смит Дорриен авеню и пошли за Сэвиджем.

9. Стрельба в Макканна и Фаррелл

59. В ходе следствия военнослужащие А и В дали следующие показания.

60. Военнослужащие А и В продолжили движение на север по Уинстон Черчилль авеню, следуя за Макканном и Фаррелл быстрым шагом с целью сократить дистанцию между ними. Макканн шел справа от Фаррелл по внутренней стороне тротуара, удаленной от мостовой. На нем были белые брюки и белая рубашка без пиджака. Фаррелл была одета в юбку и жакет и держала в руках большую дамскую сумочку.

61. Когда военнослужащий А находился примерно в 10 метрах (может быть, и ближе) от Макканна на внутренней стороне тротуара, удаленной от мостовой, Макканн оглянулся через левое плечо и, кажется, посмотрел прямо на А, и улыбка сошла с его лица, как будто он понял, кем был А, и что он представлял собой угрозу.

Военнослужащий А достал пистолет, намереваясь крикнуть приказ остановиться, хотя он не был уверен, были ли произнесены эти слова. Рука Макканна резко и агрессивно вскинулась перед телом. Военнослужащий А подумал, что тот собирался достать кнопку, чтобы привести в действие взрывное устройство, и открыл огонь. Он выстрелил в спину Макканна с расстояния трех метров (хотя, может, и более близкого). Боковым зрением военнослужащий А увидел движение Фаррелл, которая шла слева от Макканна на ближайшей к мостовой стороне тротуара. Военнослужащий А увидел, как Фаррелл повернулась вполборота в правую сторону, разворачиваясь к Макканну, и схватила дамскую сумочку, которая была у нее под левой подмышкой. Военнослужащий А подумал, что она также потянулась за кнопкой, и выстрелил ей в спину. Он не отрицал, когда ему сказали, что согласно заключению судебных медиков он мог стрелять с расстояния трех футов (см. ниже § 111). Затем военнослужащий А повернулся снова к Макканну и выстрелил в него еще один раз в тело и дважды в голову. Военнослужащий А не знал, стрелял ли военнослужащий В в это время. Военнослужащий А сделал в общей сложности пять выстрелов.

62. Военнослужащий В находился непосредственно за спиной Фаррелл с правой стороны мостовой. Он следил за ней. Когда они находились в трех-четыре метра и продолжали сближение, он увидел периферическим зрением, что Макканн повернул голову, посмотрев через плечо. Он услышал звук, который принял за крик военнослужащего А, который, подумав В, означал начало процесса задержания. Почти в тот же момент справа от него послышался выстрел. Одновременно Фаррелл сделала резкое движение вправо, доставая сумочку, которая была у нее под левой подмышкой. Военнослужащий В не видел ни ее рук, ни сумочку и боялся, что она потянется за кнопкой. Он открыл огонь по Фаррелл. Он считал, что Макканн занимал угрожающую позицию и не имел возможности следить за его руками, поэтому перевел огонь на

Макканна. Затем он снова повернулся к Фаррелл и продолжил стрелять в нее до тех пор, пока не стал уверен в том, что она более не представляет опасности, а именно, что ее руки были удалены от ее тела. Он выстрелил в общей сложности семь раз.

63. Оба военнослужащих отрицали, что Фаррелл и Макканн предприняли какие-либо попытки сдаться, подняв руки вверх, или что они стреляли по двум подозреваемым, когда те лежали на земле. В ходе следствия военнослужащий А подчеркнул, что он намеривался убить Макканна, «чтобы тот больше не представлял угрозы и не осуществил подрыв бомбы».

64. Стрельба произошла на мостовой перед автозаправочной станцией «Шелл» (*Shell*) на Уинстон Черчилль авеню.

После стрельбы военнослужащие надели береты, чтобы быть опознанными сотрудниками полиции. Они увидели полицейскую машину с работающей сиреной, двигавшуюся в южном направлении по дальней стороне Уинстон Черчилль авеню. Несколько полицейских выскочили из машины и перепрыгнули через центральную перегородку. Военнослужащий А всё еще держал пистолет в руках. Он поднял руки вверх и крикнул: «Полиция!». Военнослужащий А вспомнил, что слышал стрельбу за спиной, когда приближалась полицейская машина.

Хотя ни один из военнослужащих не слышал приближения полицейской машины и звука сирены, пока не окончилась стрельба, большинство свидетелей, в том числе полицейские Р, Q и R, которые находились поблизости для поддержки военнослужащих при задержании, и ряд членов команды наблюдения, а также свидетели из гражданских лиц отмечали, что звук полицейской сирены предшествовал, хотя и очень ненадолго, звуку выстрелов. Офицеры Р и Q, осуществлявшие наблюдение с относительно небольшого расстояния, считали, что Фаррелл и Макканн среагировали на звук сирены: Q полагал, что именно сирена побудила Фаррелл и Макканна остановиться и развернуться.

65. Прибытие полицейской машины на место происшествия не было запланированным. После того, как комиссар передал военнослужащим полномочия по задержанию в 15.40, он поручил Коломбо обеспечить наличие полицейского транспорта. Коломбо позвонил в центральный полицейский участок старшему инспектору Лопесу, который в свою очередь поручил оператору полиции констеблю Гудмену (*Goodman*) вызвать дежурную полицейскую машину. Оператор зафиксировал вызов в 15.41. Он связался по рации с патрульной машиной, приказав полицейским немедленно возвращаться. Он не знал, где в это время находилась машина, и каковы были причины вызова. Когда инспектор Реваглиатте (*Revagliatte*), ехавший в этой машине, спросил о срочности поручения, оператор ответил ему, что это было приоритетное

здание и что дальнейшие указания будут даны по прибытии.

66. Во время поступления сообщения полицейская машина стояла в пробке на Смит Дорриен авеню. Реваглиатте приказал водителю включить сирену и сигнальные огни. Машина выехала на встречную полосу движения, чтобы объехать пробку. Они свернули на свою полосу на светофоре на пересечении с Уинстон Черчилль авеню и продолжали ехать во внешнем ряду по Уинстон Черчилль авеню на север. Когда они проезжали автозаправочную станцию «Шелл», четверо полицейских в машине услышали звуки выстрелов. Реваглиатте приказал водителю продолжать движение. Когда он оглянулся назад, то увидел двух человек, лежавших на мостовой. Машина развернулась, вернулась и остановилась на другой стороне дороги напротив автозаправочной станции «Шелл». Всё это время сирена продолжала работать. Когда машина остановилась, четверо полицейских вышли из нее, трое из них перепрыгнули через центральную перегородку, а Реваглиатте обошел ее.

67. Офицеры Р, Q и R находились поблизости от автозаправочной станции «Шелл» и также быстро прибыли на место, где велась стрельба в Макканна и Фаррелл. Офицеры Р и R накинули свои куртки на тела. Офицер Р, когда наклонился, уронил свой пистолет и был вынужден засунуть его в кобуру. Офицер Q и Реваглиатте осмотрели тела.

10. Показания очевидцев стрельбы в Макканна и Фаррелл

68. Стрельба, о которой идет речь в деле, происходила в воскресный полдень, когда на улицах было много людей, а дороги были забиты машинами. Автозаправочная станция «Шелл» была видна из нескольких жилых домов. Соответственно, очевидцами стрельбы было значительное количество людей, в том числе полицейские, участвовавшие в операции, полицейские, которые в тот момент находились в районе по служебным делам, члены команды наблюдения и ряд гражданских лиц и сотрудников полиции, которые находились там не при исполнении служебных обязанностей.

69. Почти все свидетели, дававшие показания на следствии, отметили, что Фаррелл несла сумочку под правой подмышкой, а не под левой, как говорили военнослужащие А и В. Коронер в своем заключительном слове перед присяжными заседателями пояснил, что это могло иметь значение для оправдания начала военнослужащими стрельбы, поскольку она зависела от предположительного движения сумочки перед телом.

70. Еще более существенное значение имел тот факт, что трое свидетелей, двое из которых дали интервью для вызвавшего множество споров телевизионного документального фильма «Смерть на скале», посвященного рассматриваемым событи-

ям, рассказали на допросе, что Макканн и Фаррелл были застрелены, когда они лежали на земле. Эти свидетели сказали, что наблюдали за стрельбой из жилых домов, выходящих окнами на автозаправочную станцию «Шелл» (см. ниже § 125).

71. Свидетельница Целесия (*Celecia*) видела человека, лежавшего на мостовой рядом с другим человеком, у которого руки были вытянуты в сторону. Хотя она не видела пистолета, она слышала звуки выстрелов, которые, по ее мнению, донеслись с того места. После выстрела человек, который, как ей показалось, стрелял, как будто убрал что-то в свою куртку. Когда ей показали фотографию с места событий, Целесия не смогла опознать ни военнослужащих А или В, ни человека, который, по ее мнению, стрелял.

72. Свидетель Прюетта (*Proetta*) видел, как девушка подняла руки вверх, хотя ему показалось, что это скорее от шока, чем с целью сдаться. После того, как в нее выстрелили, и она упала на землю, он услышал еще несколько выстрелов. Он предположил, что стоявшие рядом мужчины продолжили стрельбу, но допустил, что в том районе было эхо и что звук мог исходить из Лендпортского туннеля.

Свидетельница Прюетта видела мужчину и женщину, которые подняли вверх руки с раскрытыми ладонями. Насколько она помнила, в них стреляли мужчины, перепрыгнувшие через перегородку. Когда тела были на земле, она услышала еще выстрелы и увидела пистолет в руке человека, склонившегося возле тел, хотя она не заметила дыма и гильз, выскакивающих из пистолета. С учетом того, что свидетельница Прюетта видела пистолет, она предположила, что выстрелы были сделаны из него. Также, по-видимому, после падения эти тела были ей не видны за низкой стеной, и всё, что она видела, был человек, целившийся в их направлении.

73. Свидетель Баллок (*Bullock*) вспомнил, что он видел мужчину, покачнувшегося под огнем, с руками, откинутыми назад.

Больше ни один свидетель не видел Макканна и Фаррелл, поднимавшими руки вверх, или военнослужащих, стрелявших по телам, лежавшим на земле.

75. Хотя военнослужащие не были уверены в том, что военнослужащий А произносил какие-либо предупреждения, четверо свидетелей (офицеры Р и Q, свидетель К и констебль полиции Пэроди (*Parody*)) четко помнили, что слышали слова «Полиция! Стоять» или аналогичные слова.

76. Офицер Р, приближавшийся с севера к месту происшествия и дошедший до внешней стены автозаправочной станции «Шелл», сказал, что он видел, как Макканн сделал движение, как будто он собирался достать пистолет, а Фаррелл сделала движение по направлению к сумочке, заставившее его предположить, что она искала детонатор. Офицер Q, наблюдавший за происходящими

событиями с другой стороны дороги, также видел, как Фаррелл сделала движение по направлению к сумочке. То же самое видел констебль полиции Пэроди, который не находился при исполнении своих обязанностей, но следил за событиями из своей квартиры.

11. Стрельба по Сэвиджу

77. В ходе следствия военнослужащие С и D пояснили следующее.

78. После того, как трое подозреваемых растались на перекрестке, военнослужащий D пересек дорогу и последовал за Сэвиджем, который направлялся к Лендпортскому туннелю. Сэвидж был одет в джинсы, рубашку и куртку. Военнослужащий С ненадолго задержался на другой стороне дороге из-за ее сильной загруженности, но догнал Сэвиджа, когда военнослужащий D приблизился к Сэвиджу. Военнослужащий D собирался произвести задержание, подойдя поближе, навел пистолет и крикнул: «Стоять. Полиция. Руки вверх!». Когда D находился примерно в трех метрах от Сэвиджа, то понял, что необходимо сократить дистанцию, так как поблизости было много людей, а прямо на линии огня стояла женщина. Однако прежде, чем военнослужащий D смог подойти ближе, он услышал позади звук выстрелов. В то же время военнослужащий С крикнул: «Стоять!». Сэвидж развернулся, направив руку вниз, по направлению к правому бедру. Военнослужащий D подумал, что Сэвидж хочет достать детонатор. Он оттолкнул одной рукой женщину с линии огня и открыл огонь с расстояния двух-трех метров. Военнослужащий D быстро выстрелил девять патронов, сначала целясь в центр туловища Сэвиджа, а последние две пули попали Сэвиджу в голову. Сэвидж извивался при падении. Военнослужащий D признал, что, вероятно, голова Сэвиджа находилась в дюймах от земли, когда он закончил стрельбу. Он продолжил стрелять до тех пор, пока Сэвидж не замер неподвижно на земле, с руками, расставленными в сторону.

79. Военнослужащий С помнил, как он шел за Сэвиджем, немного позади военнослужащего D. Сэвидж был примерно в восьми футах от входа в туннель, может, больше. Военнослужащий С хотел идти вперед, чтобы произвести задержание, когда он услышал сзади слева звуки выстрелов с того направления, куда ушли Фаррелл и Макканн. Сэвидж повернулся. Военнослужащий С крикнул ему: «Стоять!», и вынул пистолет. Сэвидж потянулся правой рукой к карману куртки и принял угрожающую и агрессивную позу. Военнослужащий С открыл огонь, поскольку боялся, что Сэвидж собирается привести в действие взрывное устройство. Он увидел что-то громоздкое в правом кармане Сэвиджа и подумал, что это детонатор. Он находился в пяти-шести футах от

Сэвиджа. Военнослужащий С выстрелил шесть раз в Сэвиджа, целясь ему в тело, и тот упал, извиваясь. Одна пуля попала Сэвиджу в шею, а другая – в голову, когда тот упал. Военнослужащий С продолжал стрелять до тех пор, пока не стал уверен в том, что Сэвидж скончался и более не сможет привести в действие взрывное устройство.

80. В ходе следствия оба военнослужащих сказали при перекрестном допросе, что, если бы была необходимость открыть огонь, они продолжали бы стрелять до тех пор, пока объект не перестанет представлять опасность. Военнослужащий С согласился с тем, что наилучшим средством достижения этого результата было убийство. Военнослужащий D пояснил, что он стрелял в Сэвиджа, чтобы убить его, и что таким образом тренировали всех военнослужащих. Однако оба военнослужащих отрицали, что они стреляли в Сэвиджа, когда тот уже лежал на земле.

Военнослужащий Е (командир штурмовой группы) заявил, что в момент открытия огня его намерением было убийство, поскольку это был единственный способ устранить угрозу. Он добавил, что это был стандарт, которому следуют все военнослужащие в вооруженных силах, которые открывают огонь.

81. Военнослужащие надели береты после происшествия, чтобы полиция могла идентифицировать их.

12. Показания очевидцев стрельбы в Сэвиджа

82. Свидетели Н, I и J участвовали в слежке за тремя подозреваемыми в районе улиц Смита Дорриена и Уинстона Черчилля авеню.

83. Свидетель Н сказал, как военнослужащие А и В пошли за Макканном и Фаррелл по Уинстон Черчилль авеню. Он последовал за Сэвиджем, которого он заметил на углу, когда тот сворачивал в переулок, ведущий к Лендпортскому туннелю. Он указал на Сэвиджа военнослужащим С и D, которые сопровождали его в тот момент. Пока он следовал за Сэвиджем, Н увидел издали, как стреляли по Макканну и Фаррелл. Он продолжал следовать за Сэвиджем, который пошел по переулку. Он услышал сирену, крик «Стоять», а потом увидел, как разворачивался Сэвидж. Военнослужащие были в пяти футах от Сэвиджа, Н отвернулся и не видел саму стрельбу.

84. Свидетель I встретился со свидетелем Н и военнослужащим D и подтвердил, что Сэвидж пошел к Лендпортскому туннелю. Свидетель I свернул в переулок после того, как началась стрельба. Он видел один или два выстрела по Сэвиджу, лежавшему на земле. Он видел только одного военнослужащего, стрелявшего с расстояния пяти-шести или семи футов. Он не видел, чтобы военнослужащий ставил ногу на грудь Сэвиджу во время стрельбы.

85. Свидетель J пошла за Сэвиджем, когда тот расстался с Макканном и Фаррелл. Когда Сэвидж был в 20 футах от начала переулка, возле большого дерева, она услышала звук выстрелов где-то сзади и в то же время полицейскую сирену поблизости. Сэвидж очень резко повернулся на звук выстрелов и выглядел сильно потрясенным. J отвернулась и не видела стрельбы. Когда она повернулась снова, то увидела Сэвиджа, лежащего на спине, и военнослужащего, стоявшего над ним и говорившего «Вызовите полицию».

86. Робин Мордю (*Robin Mordue*) был свидетелем части стрельбы, но в связи с тем, что он сам упал на землю и спрятался за машиной, он видел лишь часть инцидента. Он не помнил, чтобы Сэвидж бежал. После того, как он увидел военнослужащего, стоявшего над Сэвиджем, выстрелов больше не было.

87. Основная часть споров касалась показаний Кеннета Аскеса (*Kenneth Asquez*). Его письменные показания, по-видимому, были использованы компанией «Таймс телевижн» (*Thames Television*) при создании документального фильма «Смерть на скале» (см. ниже § 125). Проект письменных показаний под присягой, подготовленный адвокатом компании «Таймс телевижн», допрашивавшим Аскеса, но не одобренный последним, также был использован при подготовке программы. В своих показаниях он сообщал, что ехал в машине друга по направлению к границе по Коррал Роуд и проезжал Лендпортский туннель. Он услышал «треск» и увидел человека, который лежал на земле, истекая кровью. Он увидел еще одного человека, в черном берете, показывавшего свое удостоверение, который наступил на горло умиравшему мужчине и кричал: «Стоять. Всё нормально. Это полиция». В этот момент мужчина выстрелил еще три или четыре раза. На следствии он сказал, что часть показаний, относившихся к стрельбе, была ложью, которую он выдумал. Он казался сбитым с толку и часто противоречил себе самому. Когда ему было указано на то, что до следствия не было известно, что военнослужащие были в беретах (эту деталь не упомянула ни одна газета), он предположил, что, скорее всего, услышал это на улице. Когда на следствии у него спросили, почему он сочинил свои показания, он сослался на болезнь, загруженность на работе, а также на желание, чтобы прекратились телефонные звонки от человека, который просил его дать интервью средствам массовой информации.

88. Свидетельница Трейси (*Treacy*) утверждала, что она шла по тротуару, ведущему из туннеля, и что она находилась между Сэвиджем и первым военнослужащим, когда началась стрельба, хотя и не на линии огня. Она помнила, что Сэвидж бежал, и думала, что ему стреляли в спину, поскольку он бежал по направлению к туннелю. Она не видела, чтобы в него стреляли, когда он лежал на земле. В ее показаниях был ряд очевидных нестыковок с показаниями других свидетелей: она сказа-

ла, что военнослужащий держал пистолет в левой руке, хотя тот в действительности был правой, никто больше не говорил, что Сэвидж бежал, и она подчеркивала, что он упал ногами к дереву неподалеку, а не головой, как видели все остальные свидетели, описывавшие место происшествия. Коронер в своем заключительном слове отметил, что, вероятно, возможно объяснить показания Трейси тем фактом, что она могла не смотреть на Сэвиджа, когда тот повернулся лицом к военнослужащим, а также тем, что к тому времени, когда она посмотрела на Сэвиджа, тот повернулся лицом к туннелю, реагируя на стрельбу.

89. Супруги Баллок (*Bullock*) сообщили, что какой-то мужчина, растолкав их, прошел мимо, когда они шли по Смит Дорриен авеню к перекрестку, и что они заметили у него на поясе сзади пистолет. Они видели, как он встретился с другим мужчиной, у которого также на поясе сзади был пистолет, в углу переулка, ведущего к Лендпортскому туннелю. Мужчины следили за стрельбой за автозаправочной станцией «Шелл», а когда стрельба прекратилась, они повернулись и убежали. После этого была еще серия выстрелов.

90. Другой свидетель, Жером Круз (*Jerome Cruz*), находившийся в машине, стоявшей в пробке на Смит Дорриен авеню, вспомнил, что видел Баллока, спрятавшегося в укрытии, и подверг сомнению версию последнего. В частности, он сообщил, что Баллок был не в конце Смит Дорриен авеню, а в удалении от автозаправочной станции «Шелл» (более 100 ярдов), а также что он спрятался в укрытие сразу же, как послышалась звуки выстрелов. Жером Круз подтвердил, что он также видел склонившихся людей, выглядывавших из-за стены у начала тропинки, ведущей к туннелю.

13. События после стрельбы

91. В 15.47–15.48 военнослужащий E получил в центре контроля за проведением операции сообщение о задержании трех подозреваемых. В тот момент было непонятно, то ли они были задержаны, то ли убиты. К 16.00–16.05 в центре контроля за проведением операции было получено сообщение о том, что трое подозреваемых убиты.

92. В 16.05–16.06 военнослужащий F передал контроль за проведением операции комиссару на основании специального запроса. Согласно стенограмме допроса комиссара на следствии этот запрос, составленный от имени военнослужащего F, гласил, что «6 марта, в 16.06, военная штурмовая операция была завершена в соответствии с военным вариантом в отношении террористического подрывного боевого подразделения ИРА в Гибралтаре. Настоящим контроль возвращается гражданским властям». Заместитель комиссара Коломбо позвонил на центральный участок, чтобы организовать план эвакуации. Также были

даны приказы осмотреть места происшествий. Военнослужащему G также поручили начать обезвреживание автомобиля.

93. После стрельбы тела трех подозреваемых и сумочка Фаррелл были осмотрены. При убитых не было обнаружено ни оружия, ни радиовзрывателей.

94. Возле автозаправочной станции «Шелл» гильзы и пули были собраны без какой-либо фиксации места их обнаружения. Не были обозначены места, где лежали тела.

95. На месте стрельбы в Сэвиджа было зафиксировано место обнаружения лишь нескольких гильз. Положение тел не было сфотографировано полицией. Инспектор Реванглиатте обвел мелом положение тела Сэвиджа. В пределах контура тела были отмечены пять ранений, в том числе три в области головы.

96. Старший инспектор Лопес отдал приказ об общем сборе и поехал к пункту сбора, чтобы начать оцепление района. К пункту сбора также прибыла пожарная команда.

Команда обезвреживания взрывных устройств вскрыла белый «Рено» подозреваемых, но не обнаружила взрывных устройств. Район был объявлен безопасным примерно в 19.00–20.00.

Н. ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕ СТРЕЛЬБЫ

97. Главный инспектор Корреа (*Correa*) был назначен руководителем расследования.

98. В сумочке Фаррелл была обнаружена связка из двух ключей с биркой, на которой был написан регистрационный № MA9317AF. Эта информация была передана примерно в 17.00 в полицию Испании, которая начала розыск автомобиля по подозрению в том, что в нем могли находиться взрывчатые вещества. В ночь с 6 на 7 марта полиция Испании обнаружила красный «Форд Фиеста» с данным регистрационным номером в г. Ла Линеа (*La Linea*). В автомобиле были найдены ключи от другого автомобиля, с регистрационным № MA2732AJ, а также договор аренды транспортного средства, в котором было указано, что машина арендована 6 марта, в 10.00, Катариной Смит (*Katharine Smith*): это имя было указано в паспорте, найденном в сумочке Фаррелл.

99. 8 марта, примерно в 18.00, автомобиль «Форд Фиеста» с регистрационным № MA2732AJ был обнаружен на подземной автостоянке в г. Марбелла (*Marbella*). Он был вскрыт отрядом по обезвреживанию взрывных устройств из г. Малага (*Malaga*), который нашел в багажнике в отсеке для запасного колеса спрятанное взрывное устройство. Устройство состояло из пяти пакетов взрывчатого вещества семтекс общей массой 64 кг, на которых были установлены четыре детонатора и вокруг которых были разложены 200 единиц поражающих элементов. Кроме

того, были найдены два таймера, установленные соответственно на 10.45 и 11.15. Устройство не было ни приведено в боевую готовность, ни собрано.

100. В заключении по взрывному устройству, подготовленному полицией Испании в г. Мадриде 27 марта 1988 г., был сделан вывод о том, что на взрывном устройстве была установлена система двойной активации, обеспечивающая детонацию даже в том случае, если один из таймеров не работает. Взрывчатое вещество было спрятано в отсеке для запасного колеса во избежание его обнаружения при прохождении таможенного осмотра на испано-гибралтарской границе. Количество взрывчатого вещества и использование в качестве шрапнели патронов указывали на то, что террористы хотели достигнуть большого эффекта, а также что таймер на взрывном устройстве предположительно был установлен таким образом, чтобы привести в действие взрывное устройство во время военного парада 8 марта 1988 г.

101. Старший инспектор Корреа, действуя в качестве коронера, установил и допросил свидетелей стрельбы в троих подозреваемых. Сотрудники полиции провели поквартирный обход в районе, стуча в двери и возвращаясь повторно, если никого не было дома. Генеральный прокурор два или три раза обращался к общественности с просьбой оказать содействие следствию. На следствии инспектор Корреа указал, что общественность сильнее, чем обычно, не хотела сотрудничать с полицией.

102. 7 марта 1988 г. было проведено вскрытие трупов троих подозреваемых. Вскрытие проводил профессор Уотсон (*Watson*), очень квалифицированный патологоанатом из Соединенного Королевства. Его заключение было предоставлено профессору Паундеру (*Pounder*), патологоанатому, нанятому заявителями. Позднее на следствии оба патологоанатома дали свои комментарии относительно недостатков в проведении вскрытия трупов. В частности, с тел была снята одежда до того, как профессор Уотсон увидел их, из-за чего он лишился дополнительной возможной помощи в установлении входных и выходных отверстий, не было рентген-оборудования, и профессору Уотсону позднее не предоставили ни полного комплекта фотографий, ни заключения о судебно-медицинской и баллистической экспертизах.

И. СЛЕДСТВИЕ, ПРОВЕДЕННОЕ ВЛАСТЯМИ ГИБРАЛТАРА

103. Коронер Гибралтара открыл следствие по фактам убийства 6 сентября 1988 г. Семьи погибших (в том числе заявители) были представлены на следствии, так же как и военнослужащие САС и власти Соединенного Королевства. Председательствовал на следствии коронер, который заседал вместе с присяжными заседателями, выбранными из местных жителей.

104. До следствия министр внутренних дел, министр обороны и заместитель губернатора Гибралтара соответственно 26 и 30 августа, 2 сентября 1988 г. приняли три указа о неразглашении определенной информации в публичных целях. В этих указах говорилось, что публичные интересы требовали защиты от разглашения следующей информации:

«1. В отношении семи свидетелей-военнослужащих запрещается разглашать любую информацию или документы, раскрывающие:

- (i) их личность;
- (ii) название, расположение, структуру командования, методы несения службы и возможности подразделений, в которых служили эти военнослужащие 6 марта 1988 г.;
- (iii) характер их специальной подготовки или экипировки;
- (iv) характер любой предыдущей оперативной деятельности этих военнослужащих или любых подразделений, в которых они могли когда-либо служить;
- (v) в отношении военнослужащего G (специалиста по боеприпасам и техническому обслуживанию) любую военную разведывательную информацию, сведения о деятельности и операциях (и источники разведки), включая те, на основе которых он проводил оценку, и сведения о возможностях сил безопасности по противодействию, в том числе методы работы, специальную подготовку и экипировку.

2. В отношении свидетелей из службы безопасности запрещается разглашать любую информацию, раскрывающую:

- (a) личность сотрудников службы безопасности и подробности их расположения, подготовки и экипировки;
- (b) любые источники получения разведывательной информации;
- (c) любые подробности деятельности и операций службы безопасности».

105. Однако, как было прямо уточнено в указах, сотрудникам службы безопасности и военнослужащим не запрещалось разглашать информацию относительно:

- «(i) характера информации, относящейся к замыслам ИРА, переданной комиссару полиции и другим заинтересованным лицам (в том числе общие доказательства, относящиеся к временному боевому подразделению ИРА);
- (ii) сделанным военнослужащим G оценкам относительно вероятности наличия взрывного устройства и связанных с этим рисков, а также о мерах защиты, которые могли быть приняты;
- (iii) событий, приведших к стрельбе 6 марта 1988 г., и связанных с ней обстоятельств, в том числе доказательств передачи военным контроля за проведением операции».

106. Следствие продолжалось до 30 сентября. В течение 19 дней, что оно длилось, были допро-

шены 79 свидетелей, в том числе военнослужащие, сотрудники полиции и члены команды наблюдения, участвовавшие в операции. Также были допрошены патологоанатомы, судебные медики и эксперты по взрывчатым веществам.

1. Показания патологоанатомов, данные на следствии

107. Показания дали профессор Уотсон, патологоанатом, который проводил вскрытие тел 7 марта 1988 г., а также профессор Паундер, вызванный от имени заявителей (см. выше § 102).

108. Что касается Фаррелл, по словам профессора Паундера, было установлено, что ей выстрелили три раза в спину с расстояния около трех футов. У нее обнаружили пять огнестрельных ранений в области головы и шеи. Травмы на лице позволяли предположить, что либо всё тело, либо, по крайней мере, верхняя часть туловища были повернуты к стреляющему. Ранения на теле свидетельствовали о том, что наиболее вероятным вариантом развития событий был следующий: ей выстрелили в лицо, когда она повернулась к стрелявшему, а затем, когда она падала, ей выстрелили в спину. Профессор Уотсон согласился с тем, что восходящая траектория полета пуль, попавших в Фаррелл, указывала на то, что она падала или лежала в момент их попадания. Всего в нее выстрелили восемь раз.

109. Что касается Макканна, ему дважды выстрелили в спину и три раза в голову. Рана на макушке головы предполагала, что ранения в область грудной клетки предшествовали ранениям в область головы, а также что он лежал или почти лежал на земле в момент ее причинения. Пули входили в тело примерно под углом 45 градусов. В него попали пять пуль.

110. Что касается Сэвиджа, в него попали 16 пуль. У него обнаружили семь ран в области головы и шеи, по пять в передней и задней частях грудной клетки, по одной ране в каждом плече, три раны в брюшной полости, по две раны в левой и правой руках, две раны в левой кисти. Положение входных отверстий предполагало, что некоторые ранения были получены, когда погибший стоял лицом к стрелявшему. Однако ранения в грудную клетку имели входное отверстие в задней части грудной клетки. Профессор Уотсон согласился с тем, что Сэвидж был «изрешечен пулями» и что «это было какое-то бешеное нападение». Он указал, что при изучении следов выстрелов на мостовой было бы разумно предположить, что пули были выпущены, когда Сэвидж лежал на спине, а стрелявший стоял лицом по направлению к его ногам. Он настаивал в ходе допроса со стороны представителя военнослужащих, что три следа от выстрелов внутри контура тела, нарисованного мелом на мостовой, соответствовали ранениям в голову. По его мнению, «эти ранения должны были быть при-

чинены, когда либо голова лежала на земле, либо действительно очень близко к земле» и когда ее прижимали «в дюймах от земли».

2. Показания судебных экспертов, данные на следствии

111. Судебный эксперт, специализирующийся на огнестрельном оружии, осмотрел одежду трех погибших на предмет наличия, *inter alia*, пороховых следов, которые указывали бы на то, что выстрелы были сделаны с близкого расстояния. Он нашел следы частично сгоревшего пороха на верхней правой задней части куртки Фаррелл и на верхней левой передней части рубашки Сэвиджа, что предполагало стрельбу с близкого расстояния. Он провел тесты, которые показали, что подобное могло произойти только в результате выстрела из пистолета Браунинг с расстояния до шести футов. Отложения на жакете Фаррелл указывали на расстояние от дула до цели около трех футов, а на рубашке Сэвиджа – около четырех – шести футов.

3. Доказательства, касающиеся взрывных устройств

112. На следствии рассматривались вопросы о том, могли ли трое подозреваемых, даже если бы они имели при себе устройства дистанционного управления, привести в действие предполагаемое взрывное устройство, находившееся примерно в 1,4 километрах от места, где они были застрелены. Кроме того, возник вопрос о том, можно ли было разумно ожидать, что заявители могли спрятать устройства на себе незаметно от окружающих, и могло ли взрывное устройство в действительности быть приведено в действие путем нажатия одной кнопки.

113. Свидетель Ферэдей (*Feraday*) дал показания государственному обвинителю. Он был судебным экспертом, работавшим в Лаборатории судебной экспертизы взрывчатых веществ Королевского Института исследования и развития вооружений (*Explosives Forensic Laboratory at Royal Armament Research and Development Establishment*) и имевшим 33-летний опыт работы со взрывчатыми веществами. Он представил радиопередатчик ICOM IC2 в качестве примера устройства, используемого в Северной Ирландии, которое имело габариты обычной продаваемой в магазинах переносной рации. Этот радиопередатчик также был представлен в качестве доказательства властями Соединенного Королевства в Европейскую комиссию по правам человека и в Европейский Суд в рамках страсбургского процесса (см. ниже § 130).

Перечислив факторы, которые могли повлиять на радиус действия устройства (например, рельеф местности, погодные условия), Ферэдей сообщил, что при оптимальных условиях данное оборудова-

ние могло срабатывать в радиусе до 30 миль. По его мнению, антенна автомобиля подозреваемых могла принять сигнал, хотя его сила была бы небольшой, поскольку ее длина не подходила для данной частоты. Он считал, что следовало предположить, что с расстояния около мили взрывное устройство могло быть приведено в действие устройством дистанционного управления при помощи антенны.

114. Заявители вызвали доктора Скотта (*Scott*), который имел степень магистра, доктора инженерных наук и диплом радиооператора. Он участвовал в двух судебных разбирательствах в Соединенном Королевстве, касавшихся ИРА. Он провел испытания с аналогичными радиоприемниками по маршруту следования троих подозреваемых. Он указал, что между пунктом сбора и местами, где происходила стрельба, имелись возвышение, толстая стена и множество зданий. ИРА использовала на своих устройствах шифраторы и дешифраторы, чтобы ложные сигналы не привели в действие их бомбы: это требовало получения хорошего чистого сигнала. Учитывая, что антенна, которая «была шуткой» с точки зрения эффективности, имела неправильную длину для предполагаемой частоты сигнала и была протянута вдоль крыши, а не стояла вертикально, он отметил, что, по его профессиональному мнению, предполагаемый радиоприемник не мог быть детонирован каким-либо передающим устройством при обстоятельствах дела. Он также отметил, что взрывное устройство могло быть нейтрализовано путем удаления антенны с автомобиля и что это действие не привело бы к дестабилизации взрывного устройства.

115. Доктор Скотт также объяснил, каким образом действовал радиопередатчик. Если предположить, что частота уже задана, необходимо активировать переключатель «Вкл/Выкл», после чего нажать «Вкл/Выкл» на кодирующем устройстве, а затем третью кнопку, после нажатия которой начинается передача сигнала. Хотя имеется возможность настроить устройство так, чтобы нужно было нажимать одну кнопку (передатчика) для подрыва взрывного устройства, это потребовало бы оставить включенными переключатели радиопередатчика и кодирующего устройства с риском разрядки аккумуляторов. Кроме того, существовал риск того, что устройство сработало бы случайно из-за столкновения с кем-либо на улице или попадания пули, или случайного падения человека, сопровождающегося ударом о бордюр или скамейку.

116. Капитан Эдвардс (*Edwards*) был вызван адвокатом, представлявшим военнослужащих, для опровержения этих показаний. Он являлся членом Королевского корпуса радистов (*Royal Corps of Signals*) и имел опыт работы с ОБЧ/ВЧ радиосигналами спектра, используемого в боевых сетях. Он провел испытания с целью выяснить, были ли возможны голосовые сообщения по рации типа ICOM

в районе автозаправочной станции «Шелл» и на пути от нее до Инс Холл. Использованное оборудование не было идентично оборудованию доктора Скотта. Капитан Эдвардс пояснил, что на месте стрельбы можно было принять и голосовое сообщение, и единичный звук из пункта сбора. Однако он не использовал кодирующее устройство, и его оборудование было подходящим и совместимым. Ферэдей также был вызван. Он высказал мнение, что, если слабое голосовое сообщение могло быть принято, значит, сигнал был бы достаточен для приведения в действие взрывного устройства.

117. По-видимому, все согласились с тем, что ИРА достигло успехов в использовании высокочастотных устройств, требовавших более коротких антенн и имевших более надежную радиовидимость. Эти устройства имеют характеристики, позволяющие им детонировать, когда оператор устройства находится в пределах радиовидимости от устройства, и при этом возможность вмешательства других радиисточников или применения контрмер снижается. Не было известно или, по крайней мере, приведено примеров подобного рода дистанционной детонации в условиях, исключающих радиовидимость.

4. Заявления, сделанные в ходе следствия

118. На следствии представитель заявителей П.Дж. Макгрори (*P.J. McGrory*) задавал свидетелям вопросы и делал заявления, *inter alia*, о том, что либо решение застрелить подозреваемых было принято властями Соединенного Королевства до происшествия, и военнослужащим был отдан приказ стрелять на поражение, либо данная операция была спланирована и организована таким образом, чтобы убийство подозреваемых военнослужащими было неизбежным. В любом случае в свете обстоятельств дела применение военнослужащими силы, повлекшей смерть, не было необходимым, а если оно и было неизбежным, то чрезмерным и поэтому необоснованным. Однако он утверждал, что не спорит с тем, что комиссар полиции и его подчиненные действовали надлежащим образом и добросовестно.

119. Военнослужащие F (старший по званию военнослужащий) и E (командир штурмовой группы) отрицали, что план явно или по умолчанию состоял в убийстве подозреваемых. Военнослужащие A, B, C и D также отрицали, что их направили, открыто или «кивком либо подмигиванием», убить подозреваемых.

5. Обращение коронера к присяжным заседателям

120. После завершения следствия коронер обратился к присяжным заседателям по вопросам применимого законодательства, в частности,

в отношении статьи 2 Конституции Гибралтара (см. ниже § 133). В связи с тем, что процессуальные правила следствия не позволяли сторонам давать указания присяжным заседателям, он обобщил соответствующие предложения представителей заявителей, военнослужащих и государства со ссылками на доказательства. На основе показаний военнослужащих он сделал вывод о том, что, когда они открыли огонь, они стреляли с целью убить, и перечислил присяжным заседателям ряд возможных вердиктов:

«...Если военнослужащие выбрали этот день с явным намерением убить, это тяжкое убийство, и в этом случае следует вынести вердикт о неправомерном убийстве. Пример второй: если вы признаете в отношении Сэвиджа (или любого другого потерпевшего), что он был убит выстрелом в голову, когда лежал на земле, после того, как был обезврежен, это будет тяжкое убийство, если вы придете к выводу, что военнослужащие продолжили стрельбу с целью добить его. В обоих случаях они намеревались убить не для самообороны или для обороны иных лиц и не в ходе задержания... поэтому это убийство при отягчающих обстоятельствах, и вы вынесете вердикт о неправомерном убийстве. Если во втором примере вы сделаете вывод, что это убийство в результате применения силы с превышением разумных пределов, то вердикт также будет о неправомерном убийстве, но это будет уже не тяжкое убийство. Третий пример, который я приведу, как раз из подобных случаев. Если вы согласитесь с той версией, что намерением военнослужащих было действительно произвести задержание (в смысле, что они собирались задержать троих подозреваемых и передать их живыми полиции Гибралтара) и что ход задержания пошел не по сценарию и завершился тремя смертями, потому что либо (а) сила была применена, когда в этом не было необходимости, либо (б) сила была применена с превышением разумных пределов, значит, это не тяжкое убийство... и вердиктом будет, как я сказал, неправомерное убийство. Пример четвертый: если вы убеждены в том, что военнослужащие действовали надлежащим образом, но, тем не менее, при планировании операции предусматривалась смерть троих подозреваемых, о чем военнослужащим не было известно, значит, вы также должны вынести вердикт о неправомерном убийстве.

...Соответственно, вам доступны лишь три приемлемых вердикта:

- (а) неправомерное убийство, а именно неправомерное причинение смерти;
- (б) правомерное убийство, а именно обоснованное, разумное причинение смерти;
- (с) открытый вердикт.

Держа в уме, что вы должны быть убеждены вне разумных оснований для сомнений, когда речь идет о вердикте о неправомерном убийстве, следует рассмотреть две ситуации. Первая касается самих военнослужащих, вторая – случаев, если они были неосведомленными орудиями плана по ликвидации троих подозреваемых.

Что касается первой ситуации, относящейся к самим военнослужащим, я должен сказать вам,

что, если вы не убеждены вне разумных оснований для сомнений, вы должны решить, будет ли ваш вердикт открытым или вердиктом об обоснованном причинении смерти. Мое наставление вам заключается в том, что вы должны вынести вердикт об обоснованном причинении смерти, а именно правомерном убийстве, поскольку с учетом обстоятельств данного происшествия именно так вы решили бы, если бы не вынесли вердикт о незаконном причинении смерти в отношении самих военнослужащих. Такова логика данной ситуации. Вы можете оказаться в положении, когда не сможете выбрать ни один из этих вариантов, и в этом случае единственным выбором для вас является вынесение открытого вердикта, но я должен, действуя в соответствии со своими обязанностями, постараться убедить вас избежать открытого вердикта. Что касается второй ситуации, когда они были неосведомленными орудиями, применяется то же самое...».

121. Присяжные заседатели вынесли вердикт о правомерном убийстве большинством голосов (девятью голосами против двух).

Ж. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

122. Заявители были недовольны этим вердиктом и обратились в Высокий суд правосудия Северной Ирландии с иском против Министерства обороны о возмещении ущерба и вреда, причиненных домохозяйствам каждого погибшего в результате их смерти. Исковые заявления были поданы 1 марта 1990 г.

123. 15 марта 1990 г. министр иностранных дел и по делам Содружества принял решение на основании пункта 3 статьи 40 Закона 1947 года «О производстве в государственных органах» (*Crown Proceedings Act*) в редакции Постановления 1981 года «О производстве в государственных органах (Северная Ирландия)» (*Crown Proceedings (Northern Ireland) Order*). Пункт 2 статьи 40 этого же закона исключает производство против государства в Северной Ирландии при привлечении к ответственности, вытекающей из любых оснований, кроме «требований к Правительству Ее Величества в Соединенном Королевстве». Аналогичный иммунитет имеет государство в Северной Ирландии на основании Постановления 1981 года. Решение министра по этому вопросу окончательно. В решении, принятом по настоящему делу, говорилось, что любая предполагаемая ответственность государства не была основана ни на требованиях к Правительству Ее Величества в Соединенном Королевстве, ни на требованиях к Правительству Ее Величества в Северной Ирландии.

124. Министерство обороны после этого подало ходатайство об отклонении исковых требований. Заявители обжаловали законность принятого министром решения в судебном порядке. Разрешение на судебное обжалование было дано *ex parte* 6 июля 1990 г., но 31 мая 1991 г. оно было

отозвано после основного слушания по той причине, что жалоба не имела разумных шансов на успех. Главный адвокат (*Senior Counsel*) высказал мнение о том, что обжалование этого решения было бы бесполезно.

Требования заявителей, поданные в Высокий суд правосудия Северной Ирландии, были отклонены 4 октября 1991 г.

К. ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «СМЕРТЬ НА СКАЛЕ»

125. 28 апреля 1988 г. телекомпания «Таймс телевижн» выпустила в эфир документальный фильм собственного производства «Смерть на скале» (см. выше § 70), в котором была реконструирована слежка за автомобилем террористов со стороны полиции Испании, и свидетели стрельбы описывали увиденное ими, в том числе сообщали, что в Макканна и Фаррелл стреляли, когда те уже лежали на земле. Были зачитаны показания анонимного свидетеля о том, что Сэвидж был застрелен человеком, поставившим ногу на грудь Сэвиджу. Управление независимого вещания (*Independent Broadcasting Authority*) отклонило просьбу министра иностранных дел и по делам Содружества о переносе срока показа фильма до тех пор, пока не будет проведено следствие.

Л. ИНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКУЮ КОМИССИЮ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. Показания старшего инспектора Валенсуэлы (*Valenzuela*)

126. Хотя полиция Гибралтара пригласила сотрудника полиции Испании принять участие в расследовании и дать показания относительно роли полиции Испании, он не явился, очевидно, из-за отсутствия соответствующего разрешения от начальства.

127. Власти Соединенного Королевства представили в Европейскую комиссию по правам человека копию показаний, данных 8 августа 1988 г. старшим инспектором Райо (*Rayo*) Валенсуэлой, полицейским из г. Малага. Согласно этим показаниям полиция Соединенного Королевства в начале марта предоставила полиции Испании фотографии возможных членов боевого подразделения ИРА: Даниэля Макканна, Майред Фаррелл и Шона Сэвиджа. Их троих видели в аэропорту г. Малага 4 марта 1988 г., но их след пропал, когда они улетели. После этого в период с 5 по 6 марта 1988 г. этих троих подозреваемых разыскивали.

Данных показаний, предоставленных властями Соединенного Королевства, не было среди доказа-

тельств, полученных на следствии, так как коронер отказался принимать их ввиду возражения П.Дж. Макгрори, который считал, что они представляли собой слухи при отсутствии хотя бы одного полицейского из Испании лично.

2. Показания Гарри Дебелиуса (Harry Debelius)

128. Эти показания, датированные 21 сентября 1988 г. и представленные от имени заявителей, дал журналист, который работал консультантом создателей фильма канала «Таймс телевижн» «Смерть на скале». Он сообщил, что за белым «Рено», использовавшимся боевым подразделением ИРА, осуществляли наблюдение власти Испании, когда он ехал вдоль побережья по направлению к Гибралтару. Наблюдение предположительно осуществлялось четырьмя или пятью полицейскими машинами, которые меняли друг друга, чтобы избежать подозрения, вертолетом и агентами на стационарных наблюдательных пунктах. Подробности передвижений автомобиля передавались властям Гибралтара, которые знали о прибытии автомобиля на границу. Он пояснил, что данная информация была получена от пресс-атташе Службы безопасности Испании в г. Мадриде Августина Вальядолида (*Augustín Valladolid*), у которого он и репортер «Таймс телевижн» Джулиан Мэньон (*Julian Manyon*) взяли интервью 21 марта 1988 г., с 18.00 до 19.20.

129. Заявители хотели передать эти показания в качестве доказательства на следствии. Коронер решил, тем не менее, что они подлежат исключению, поскольку являются слухами, как и показания, на которые ссылались власти Соединенного Королевства (см. выше § 127).

3. Вещественные доказательства, предоставленные сторонами

130. Власти Соединенного Королевства представили в Европейскую комиссию по правам человека и в Европейский Суд радиопередающее устройство ICOM со сделанным из подручных материалов кодирующим устройством. Размеры передатчика 18 × 6,5 × 3,7 сантиметров. Кодирующее устройство (которое обычно приклеивается лентой к радиопередатчику и может быть спрятано в маленькой коробочке от лекарства «Стрепсил» (*Strepsil*)) имеет размеры 8 × 9 × 3 сантиметров. Антенна передающего устройства имеет длину 18 сантиметров.

4. Дополнительные материалы, предоставленные заявителями

131. Заявители также предоставили дополнительное заключение доктора Скотта, датированное 22 октября 1993 г., в котором тот повторил свое

мнение о том, что трое подозреваемых не смогли бы привести в действие взрывное устройство в указанной области с места, где они были застрелены, при помощи ICOM или любой другой комбинации передатчика и антенны, которая могла бы быть скрыта. По его мнению, об этом должно было быть хорошо известно властям. Он также обратил внимание на тот факт, что эффективность ручного радиопередатчика сильно уменьшается при нахождении вблизи с телом человека, поэтому при передаче его следует держать подальше от тела, а антенна должна быть как можно выше.

5. Выводы Европейской комиссии по правам человека

132. В докладе от 4 марта 1994 г. Европейская комиссия по правам человека сделала следующие выводы относительно обстоятельств дела:

«... – подозреваемым действительно позволили въехать в Гибралтар, после чего за ними было организовано наблюдение оперативников на местах, располагавшихся в стратегических точках (§ 213);

– не было представлено доказательств, подтверждающих утверждение заявителей о преднамеренном характере убийства Макканна, Фаррелл и Сэвиджа (§ 216);

– не было представлено убедительных подтверждений доводам о том, что военнослужащие стреляли в Макканна и Фаррелл, когда те пытались сдаться или когда они лежали на земле. Однако военнослужащие стреляли с близкого расстояния. Судебные эксперты указали расстояние около трех футов в случае Фаррелл (§§ 222 и 223);

– в Фаррелл и Макканна стреляли военнослужащие А и В с близкого расстояния после того, как эти двое подозреваемых совершили подозрительные, как показалось военнослужащим, движения. В них стреляли, когда они падали на землю, а не когда они лежали на земле (§ 224);

– вероятно, либо звук полицейской сирены, либо звук стрельбы в Макканна и Фаррелл возле автозаправочной станции «Шелл», либо и то, и другое заставило Сэвиджа повернуться лицом к военнослужащим, которые шли позади. Было маловероятно, что военнослужащие С и D были очевидцами стрельбы в Макканна и Фаррелл до того, как началось преследование Сэвиджа (§ 228);

– было недостаточно доказательств для опровержения версии военнослужащих С и D относительно стрельбы в Сэвиджа. В Сэвиджа стреляли с близкого расстояния до тех пор, пока он не упал на землю, и, возможно, в то мгновение, когда он упал или был близок к этому. Этот вывод подтверждали заключения патологоанатомов на следствии (§§ 229 и 230);

– военнослужащие А, В, С и D открыли огонь с целью предотвратить угрозу подрыва заминированного автомобиля в центре Гибралтара подозреваемыми, которые, как им было известно, были террористами, ранее имевшими дело со взрывчатыми веществами (§ 231);

– по всей вероятности, о таймере должен был упомянуть комиссар на оперативном инструктаже. Однако по каким-то причинам этот фактор не был принят во внимание военнослужащими (§ 241)».

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

133. Статья 2 Конституции Гибралтара гласит:

«1. Никто не может быть лишен жизни умышленно, за исключением случаев исполнения приговора суда, вынесенного при осуждении за совершенные уголовного преступления.

2. Лицо не считается лишенным жизни в нарушение настоящей статьи, если оно умирает в результате использования в пределах и при обстоятельствах, обусловленных законодательством, силы, являющейся разумно обоснованной:

(a) в целях защиты любого человека от насилия или в целях защиты собственности;

(b) для производства правомерного задержания или предотвращения побега лица, которое было правомерно задержано...

(d) для предотвращения совершения этим лицом уголовного преступления».

134. Соответствующая судебная практика государства-ответчика устанавливает, что разумность применения силы должна определяться на основании обстоятельств, которые существовали по добросовестному суждению лица, применяющего силу: для этого проводится субъективная проверка того, во что верило это лицо, и объективная проверка того, имелись ли у него разумные основания для таких суждений. Принимая во внимание это добросовестное и разумное суждение, следует далее определить, было ли разумным применение силы для предотвращения преступления или производства задержания (см., например, *Lynch v. Ministry of Defence* [1983] *Northern Ireland Law Reports* 216; *R v. Gladstone Williams* [1983] 78 *Criminal Appeal Reports* 276, at p. 281; *R v. Thain* [1985] *Northern Ireland Law Reports* 457, at p. 462).

135. Проверка разумности применения силы для самообороны или в целях предотвращения преступления либо производства задержания имеет строгие пределы. Правила проверки были описаны следующим образом в отчете Королевской комиссии, назначенной для изучения законодательства, регулирующего преступления, преследуемые по обвинительному акту ([1879] 36 *House of Lords Papers* 117, at p. 167):

«На наш взгляд, великий принцип общего права состоит в том, что, хотя он санкционирует защиту личности, свободы и собственности лица от незаконного насилия и позволяет использовать силу для предотвращения преступлений в целях сохранения общественного порядка и привлечения преступников к правосудию, к нему применяется ограничение, предусматривающее, что применяемая сила должна быть необходимой, то есть что предполагаемый вред не мог быть предотвращен

менее суровыми мерами, а также что вред, который был причинен или разумно мог ожидаться в результате применения силы, не является несоизмеримым повреждениям или вреду, которые предполагается предотвратить».

Лорд-судья Макгонигал (*McGonigal*) в Справке о генеральном прокуроре Северной Ирландии (*Attorney General for Northern Ireland's Reference* ([1976] *Northern Ireland Law Reports* 169 (*Court of Appeal*))) описал свое понимание этого подхода (p. 187):

«...мне кажется, что при рассмотрении вопроса о том, была ли разумной сила, использованная в конкретных обстоятельствах, наличие разумности должно быть определено в порядке, изложенном в настоящем пункте. Возникают два вопроса:

(a) можно ли было предотвратить менее суровыми мерами предотвращаемый вред?

(b) Был ли вред, который был причинен или разумно мог ожидаться в результате применения силы, несоизмеримым повреждениям или вреду, которые предполагается предотвратить?

Эти вопросы должны быть разрешены объективно, но на основании поведения разумного человека, который действует при обстоятельствах и в свете убеждений, которые обвиняемый добросовестно считал существующими и которых он придерживался. Сила не является разумной, если:

(a) она превышает пределы необходимой силы, или

(b) причиняемый ею вред несоизмеримо больше, чем предотвращаемое зло».

136. Документ, приложенный к оперативному приказу комиссара полиции, озаглавленный «Огнестрельное оружие – правила применения», предусматривал следующее:

«Общие правила

1. Не использовать силу сверх необходимого для достижения вашей цели.

2. Если вы применяете огнестрельное оружие, вы должны делать это с заботой о безопасности находящихся поблизости людей.

3. Предупреждение перед стрельбой

(a) Предупреждение должно быть сделано, если это возможно, до открытия огня. Предупреждение должно быть, насколько это возможно, четким и включать приказ прекратить нападение и сообщение о том, что в случае неисполнения этого приказа будет открыт огонь.

(b) Вы можете стрелять без предупреждения при наличии обстоятельств, при которых выкрикивание предупреждения или задержка в открытии огня может привести к смерти или серьезным ранениям лица, которого вы обязаны защищать, или вас лично, или другого участника данной операции.

4. Открытие огня

Вы можете открывать огонь по лицу, взявшему заложника, если оно:

(a) использует огнестрельное или любое другое оружие либо приводит в действие взрывное

устройство, и существует опасность того, что вы или любой иной участник данной операции, или лицо, которое вы обязаны защищать, могут быть убиты или получить серьезные ранения;

(b) собирается использовать огнестрельное или любое другое оружие либо привести в действие взрывное устройство, и его действия могут подвергнуть опасности жизнь или причинить серьезные ранения вам лично или другому участнику операции, или иному лицу, которое вы обязаны защищать...

5. Если это лицо устанавливает в (возле) транспортное средство, судно, здание или постройку взрывное устройство, которое в случае взрыва подвергает опасности жизнь или причинит серьезные ранения вам лично или другому участнику операции, или иному лицу, которое вы обязаны защищать, и больше нет никаких способов защитить тех, кому угрожает опасность...».

137. Также к оперативному приказу прилагалось руководство для полицейских по применению огнестрельного оружия, которое предусматривало следующее:

**«Огнестрельное оружие:
применение полиции»**

Целью любого применения полицией огнестрельного оружия является задержание вооруженного преступника с наименьшим риском для окружающих и участников операции. Прежде всего обязанностью полиции является защита общества, но полицейские не должны подвергать опасности свою жизнь или жизни своих коллег ради того, чтобы попытаться побыстрее произвести задержание. Физическому благополучию преступника, вооруженного огнестрельным оружием, не должно придаваться большее значение, чем физическому благополучию полицейского, и полиция не должна идти на необязательный риск. При применении огнестрельного оружия, как и при применении любой силы, полиция руководствуется ограничениями, налагаемыми законодательством. Самое важное правило, вытекающее из изучения законодательства по данному вопросу, состоит в том, что ответственность имеет индивидуальный характер. Любой полицейский, который применяет огнестрельное оружие, может быть привлечен к ответственности в судебном порядке или в порядке проведения следствия коронером, и, если его действия были незаконными (или ненадлежащими), он в индивидуальном порядке может быть осужден за тяжкое убийство, простое убийство или незаконное причинение вреда здоровью. Точно так же, если применение силы было незаконным или неосторожным, к этому полицейскому может быть предъявлен гражданский иск о возмещении вреда в большом размере. Предъявление аналогичного иска к комиссару полиции не освобождает конкретного полицейского от ответственности.

Тот факт, что полицейский применил огнестрельное оружие по приказу вышестоящего должностного лица, сам по себе не освобождает его от уголовной ответственности. Когда полицейскому выдают огнестрельное оружие, ему тем самым не дается разрешение на его применение иначе, чем в соответствии с законодательством. Точно так же, когда полицейский инструктируется по пово-

ду операции, информация о преступнике может указывать на то, что он в отчаянии или опасен. Хотя эти факторы следует учитывать среди прочих, они сами по себе не оправдывают открытие огня по этому преступнику.

Окончательная ответственность за свои действия лежит на физическом лице, поэтому окончательное решение о том, стрелять или нет в конкретный момент, может быть принято только этим лицом. Это решение должно приниматься с четким знанием законодательства по данному вопросу и с учетом условий, существующих в данный момент».

III. ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

138. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (далее – Основные принципы ООН) были приняты 7 сентября 1990 г. восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

139. Статья 9 Основных принципов ООН предусматривает, *inter alia*, что «преднамеренное применение силы со смертельным исходом может иметь место лишь тогда, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни».

Другие применимые к настоящему делу положения Основных принципов ООН гласят:

«Статья 10

...Должностные лица по поддержанию правопорядка представляются в качестве таковых и дают четкое предупреждение о намерении применять огнестрельное оружие, предоставляя достаточное время для ответной реакции на это предупреждение, за исключением тех случаев, когда эти действия создают для должностных лиц по поддержанию правопорядка ненужную опасность или создают опасность смерти или нанесения серьезного ущерба другим лицам, или же были бы явно неуместными или ненужными при создавшихся обстоятельствах инцидента...

Статья 22

...Правительства и правоохранительные учреждения обеспечивают эффективный процесс разбора и возможность осуществления при надлежащих обстоятельствах юрисдикции независимыми административными органами или органами, осуществляющими судебное преследование. В случае смерти и серьезного ранения или других тяжелых последствий немедленно направляется подробный рапорт компетентным органам, ответственным за независимый административный разбор дела и судебный контроль.

Статья 23

Лица, пострадавшие от применения силы и огнестрельного оружия, или их законные представители имеют доступ к независимому процессу, включая судебный процесс. В случае смерти таких лиц настоящее положение соответствующим образом распространяется на их иждивенцев».

140. Статья 9 Принципов эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней, принятых 24 мая 1989 г. Резолюцией № 1989/65 Экономическим и Социальным Советом ООН, предусматривает, *inter alia*, что:

«Производится тщательное, оперативное и беспристрастное расследование всех подозрительных случаев незаконных, произвольных и суммарных казней, включая случаи, когда в жалобах родственников или в других достоверных сообщениях говорится о наступлении неестественной смерти в вышеуказанных обстоятельствах...».

Статьи 9–17 данных Принципов содержат ряд подробных требований, которые должны соблюдаться при расследовании случаев смерти.

ПРОИЗВОДСТВО В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

141. Заявители подали свою жалобу (№ 18984/91) в Европейскую комиссию по правам человека 14 августа 1991 г. Они жаловались на то, что убийство Даниэля Макканна, Майред Фаррелл и Шона Сэвиджа сотрудниками САС представляло собой нарушение статьи 2 Конвенции.

142. 3 сентября 1993 г. Европейская комиссия по правам человека объявила приемлемой жалобу заявителей для рассмотрения по существу.

В докладе от 4 марта 1994 г. (статья 31 Конвенции) Европейская комиссия по правам человека выразила мнение 11 голосами «за» при шести – «против», что статья 2 Конвенции не была нарушена. Полный текст решения Европейской комиссии по правам человека и трех отдельных мнений к этому решению был приведен в докладе, прилагаемом к настоящему Постановлению¹.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ, ПОДАННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

143. Власти Соединенного Королевства утверждали, что лишение жизни, на которое жаловались заявители, было оправдано по смыслу подпункта «а» пункта 2 статьи 2 Конвенции, так как явилось результатом абсолютно необходимого применения силы с целью защиты жителей Гибралтара от неправомерного насилия, и предложили Европейскому Суду признать, что при обстоятельствах дела не было допущено нарушения статьи 2 Конвенции в отношении троих погибших.

144. Заявители утверждали, что власти Соединенного Королевства не доказали вне всяких ра-

зумных сомнений, что планирование и проведение операции соответствовали пункту 2 статьи 2 Конвенции. Следовательно, убийства не были абсолютно необходимы по смыслу данной конвенционной нормы.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

145. Заявители утверждали, что убийство Макканна, Фаррелл и Сэвиджа сотрудниками сил безопасности нарушало статью 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. ТОЛКОВАНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

1. Общий подход

146. В своем подходе к толкованию статьи 2 Европейский Суд должен исходить из того, что цель и предназначение Конвенции как инструмента защиты прав человека требует, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы ее гарантии были реальными и эффективными (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» (Soering v. United Kingdom) от 7 июля 1989 г., Series A, № 161, p. 34, § 87, и Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (Loizidou v. Turkey) (предварительные возражения) от 23 марта 1995 г., Series A, № 310, p. 27, § 72).

147. Следует иметь в виду, что статья 2 Конвенции не только защищает право на жизнь, но и перечисляет обстоятельства, при которых лишение жизни может быть правомерным. Это одна из основополагающих статей Конвенции, в отношении которой в мирное время не допускается отступление, возможное в соответствии со статьей 15 Конвенции. В сочетании со статьей 3 Конвенции она гарантирует одну из основных ценностей демо-

¹ Комментарий Секретариата Суда: по практическим соображениям данное приложение будет опубликовано лишь в окончательной печатной версии настоящего Постановления (том 324, Серия А официальных публикаций Европейского Суда), однако копию доклада Европейской комиссии по правам человека можно получить в Секретариате Европейского Суда.

кратических обществ, создавших Совет Европы (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» (*Soering v. United Kingdom*), п. 34, § 88). Толкование норм, содержащихся в этой статье Конвенции, должно быть ограничительным.

148. Европейский Суд считает, что исключения, перечисленные в пункте 2 статьи 2 Конвенции, указывают на то, что эта норма распространяется на случаи преднамеренного лишения жизни, но не только на них. Как отметила Европейская комиссия по правам человека, текст статьи 2 Конвенции, взятой в целом, свидетельствует о том, что ее пункт 2 не определяет преимущественно те случаи, при которых лицо может быть умышленно лишено жизни, а описывает ситуации, когда допускается «применение силы», что может привести к преднамеренному лишению жизни. Применяемая сила, однако, должна быть «абсолютно необходимой» для достижения одной из целей, предусмотренных подпунктами «а»–«с» пункта 2 статьи 2 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стюарт против Соединенного Королевства» (*Stewart v. United Kingdom*) от 10 июля 1984 г., жалоба № 10044/82, *Decisions and Reports* 39, p. 169–171).

149. В этом отношении использование выражения «абсолютно необходимый» в пункте 2 статьи 2 Конвенции указывает на то, что следует проводить более строгую и тщательную, чем обычно, проверку того, является ли действие государства «необходимым в демократическом обществе» в соответствии с пунктом 2 в статьях 8–11 Конвенции. В частности, применение силы должно быть строго соразмерно достижению целей, изложенных в подпунктах «а»–«с» пункта 2 статьи 2 Конвенции.

150. Принимая во внимание важность этой нормы (статья 2 Конвенции) в демократическом обществе, Европейский Суд, давая свою оценку, должен подвергать случаи лишения жизни самому тщательному изучению, особенно тогда, когда преднамеренно применяется сила, влекущая за собой лишение жизни, при этом необходимо учитывать не только действия представителей государства, которые реально применяют эту силу, но и все сопутствующие обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование рассматриваемых Европейским Судом действий и контроль за ними.

2. Обязанность охранять жизнь, предусмотренная пунктом 1 статьи 2 Конвенции

(а) Соответствие законодательства и правоприменительной практики Соединенного Королевства требованиям статьи 2 Конвенции

151. По данному вопросу заявители утверждали, что пункт 1 статьи 2 Конвенции возлагает на

государства позитивную обязанность «охранять» жизнь. В частности, национальное законодательство должно строго контролировать и ограничивать обстоятельства, при которых человек может быть лишен жизни представителями государства. Государство должно также обеспечить надлежащую подготовку и инструктаж для своих военнослужащих или иных должностных лиц, которые вправе применять силу, и должно осуществлять строгий контроль за любыми операциями с применением силы, способной повлечь за собой лишение жизни.

По мнению заявителей, соответствующее внутригосударственное законодательство имело расплывчатый и общий характер и не включало норму об абсолютной необходимости, содержащуюся в статье 2 Конвенции. Это само по себе представляло нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции. Данное положение нарушалось также тем, что законодательство не содержало требования о том, чтобы подготовка должностных лиц осуществлялась в соответствии со строгими стандартами пункта 1 статьи 2 Конвенции.

152. По мнению Европейской комиссии по правам человека, с которым согласились власти Соединенного Королевства, статью 2 Конвенции не следует толковать как требующую наличия в законодательстве государства – участника Конвенции идентичной формулировки. Требования этой нормы соблюдаются, если по существу предусмотренное Конвенцией право охраняется законодательством.

153. Европейский Суд напоминает, что Конвенция не обязывает Договаривающиеся Стороны инкорпорировать положения Конвенции в свое законодательство (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (*James and Others v. United Kingdom*) от 21 февраля 1986 г., Series A, № 98, p. 47, § 84, и Постановление Европейского Суда по делу «Святые монастыри против Греции» (*The Holy Monasteries v. Greece*) от 9 декабря 1994 г., Series A, № 301-A, p. 39, § 90). Более того, в функции конвенционных органов не входит изучение *in abstracto* соответствия законодательных или конституционных норм требованиям Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие против Германии» (*Klass and Others v. Germany*) от 6 сентября 1978 г., Series A, № 28, p. 18, § 33).

154. Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что статья 2 Конституции Гибралтара (см. выше § 133) аналогична статье 2 Конвенции, за исключением того, что норма, обосновывающая применение силы, способной повлечь за собой лишение жизни, говорит о «разумно обоснованной» силе в отличие от «абсолютно необходимой» силы, предусмотренной в пункте 2 статьи 2 Конвенции. Хотя на первый взгляд кажется, что

норма Конвенции является более строгой, чем соответствующая норма законодательства государства-ответчика, власти Соединенного Королевства утверждали, что, учитывая порядок толкования и применения данной нормы судами этого государства (см. выше §§ 134–135), между этими двумя понятиями отсутствует, по существу, сколько-нибудь значимая разница.

155. По мнению Европейского Суда, независимо от того, насколько справедливо данное утверждение, различие между данными двумя нормами не настолько велико, чтобы на одном таком основании сделать вывод о нарушении пункта 1 статьи 2 Конвенции.

156. Что касается доводов заявителей относительно подготовки и инструктажа представителей государства и необходимости оперативного контроля, Европейский Суд считает, что эти вопросы в контексте настоящего дела поднимают в свете пункта 2 статьи 2 Конвенции вопрос о соразмерности реакции государства на предполагаемую угрозу террористического акта. В этом отношении достаточно отметить, что правила о вступлении в операцию, с которыми военнослужащие и сотрудники полиции в рассматриваемом деле были ознакомлены, включали ряд инструкций, определявших порядок применения силы и полностью соответствовавших внутренним стандартам, а также по существу норме, содержащейся в Конвенции (см. выше §§ 16, 18 и 136–137).

(b) Адекватность следствия, проводимого коронером, как механизма проведения расследования

157. По данному вопросу заявители также утверждали, ссылаясь на соответствующие нормы, содержащиеся в Основных принципах ООН (см. выше §§ 138–139), что государство обязано обеспечить эффективную процедуру *ex post facto* для установления обстоятельств, связанных с причинением смерти в результате действий представителей государства, путем обеспечения независимой судебной процедуры, к которой родственники должны иметь свободный доступ.

Вместе с «Международной амнистией», «Бритиш-Айриш Райтс Уотч» и другими организациями, выступавшими в качестве *amici curiae*, заявители утверждали, что процедура следствия не отвечала этому процессуальному требованию из-за ряда недостатков. В частности, ни по одному из аспектов операции, в ходе которой было применено огнестрельное оружие, не было проведено независимого полицейского расследования, не были выполнены обычные для таких случаев следственные мероприятия на месте преступления, не все очевидцы происшествия были найдены и допрошены полицией, коронер рассматривал дело с составом присяжных, сфор-

мированным из жителей гарнизонного городка, тесно связанного с военнослужащими, коронер отказал в разрешении на проведение проверки состава присяжных с целью исключить тех из них, кто находится на государственной службе Соединенного Королевства, вынесенные соответствующими государственными органами указы о действиях в публичных интересах фактически ограничили пределы рассмотрения операции в целом.

По мнению заявителей, в ходе следствия они не имели равного представительства со стороны, защищавшей интересы государства, что значительно затрудняло их усилия по установлению истины в связи с тем, *inter alia*, что им не оказывали правовой помощи, и их представляли только два адвоката. Свидетельские показания заблаговременно были предоставлены представителям государства и адвокатам, представлявшим интересы полиции и военнослужащих, но не были предоставлены адвокатам заявителей, за исключением разве что заключений баллистической и патологоанатомической экспертиз. Заявители не имели средств, необходимых для оплаты изготовления копий следственных протоколов в размере от 500 до 700 фунтов стерлингов.

158. Власти Соединенного Королевства утверждали, что механизм следствия был эффективным, независимым и гласным, полностью соответствовал всем процессуальным требованиям, которые можно вывести из пункта 1 статьи 2 Конвенции. В частности, они утверждали, что Европейский Суд не должен стремиться определить единый перечень норм, на основе которых должны оцениваться все следственные действия по установлению обстоятельств смерти. Более того, важно проводить различие между следствием и гражданско-правовыми процедурами по возмещению вреда, причиненного предполагаемым нарушением права на жизнь. И, наконец, власти Соединенного Королевства призвали Европейский Суд отклонить аргумент организации «Бритиш-Айриш Райтс Уотч» и других организаций, которым был предоставлен статус третьей стороны по делу, о том, что в каждом случае, когда Европейский Суд обнаружит серьезные расхождения между Принципами ООН эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней и расследованием, проведенным по делу о смерти человека, имеет место нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции (см. выше § 140).

159. По мнению Европейской комиссии по правам человека, в ходе следствия действия государства были подвергнуты широкому, независимо и в высшей степени гласному рассмотрению, в результате чего были обеспечены достаточные процессуальные гарантии для целей статьи 2 Конвенции.

160. Европейский Суд считает, что в настоящем деле отсутствует необходимость принимать решение о том, предоставлял ли пункт 1 статьи 2 Конвенции право на обращение в суд с гражданским иском в связи с лишением жизни, поскольку данный вопрос целесообразно рассматривать на основании статей 6 и 13 Конвенции, на которые заявители не ссылались.

161. Европейский Суд ограничится, как и Европейская комиссия по правам человека, лишь замечанием о том, что общеправовой запрет представителям государства произвольно лишать кого-либо жизни был бы на практике неэффективным, если бы не существовало процедуры для рассмотрения законности применения государственными органами силы, влекущей за собой лишение жизни. Обязанность охранять право на жизнь, содержащаяся в статье 2 Конвенции, рассматриваемая в совокупности с общей обязанностью государств в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции», подразумевает необходимость проведения в той или иной форме эффективного официального расследования в случаях гибели людей в результате применения силы, в том числе представителями государства.

162. Однако в настоящем деле Европейскому Суду нет необходимости решать, в какой форме должно проводиться такое расследование, и при каких условиях оно должно осуществляться, поскольку в действительности имело место гласное следствие, на котором заявители были представлены в соответствии с законом и в ходе которого были заслушаны 79 свидетелей. Более того, расследование продолжалось 19 дней, и, как следует из многотомного стенографического отчета, в ходе этого следствия были подробно рассмотрены все события, связанные с гибелью людей. Из стенографического отчета, включая напутственное слово коронера присяжным заседателям, очевидно, что адвокаты, представлявшие интересы заявителей, имели возможность допросить, в том числе путем перекрестного допроса, ключевых свидетелей, военнослужащих и сотрудников полиции, участвовавших в планировании и проведении антитеррористической операции, и сделать в ходе следствия заявления, которые они сочли необходимыми.

163. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд не считает, что различные недостатки, которые, как утверждали заявители и *amici curiae*, имели место в ходе следствия, существенно препятствовали проведению тщательного, беспристрастного и внимательного изучения обстоятельств гибели людей.

164. Следовательно, в данном отношении не было допущено нарушения пункта 1 статьи 2 Конвенции.

В. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА

1. Общий подход к оценке доказательств

165. Признавая, что конвенционные органы никоим образом формально не связаны решениями присяжных заседателей на следствии, власти Соединенного Королевства подчеркнули, что вердикт присяжных был исключительно важен для любого последующего рассмотрения обстоятельств смерти погибших. Следовательно, Европейский Суд должен обратить особое внимание на вердикт присяжных заседателей в отсутствие признаков того, что он был заведомо неправилен или по своему характеру не мог быть вынесен надлежащим судом. В этой связи имевшийся состав присяжных находился в исключительно удачном положении с точки зрения возможностей оценки обстоятельств, связанных с гибелью людей. Присяжные заседатели заслушали и увидели каждого из 79 свидетелей и провели подробный перекрестный допрос. Благодаря этому присяжные могли оценить достоверность и доказательную ценность свидетельских показаний. Власти Соединенного Королевства отметили, что присяжные также заслушали доводы различных сторон, в том числе заявления адвокатов, представлявших интересы погибших.

166. Заявители со своей стороны утверждали, что следствие по своей природе не может быть полным, углубленным изучением спорных случаев лишения жизни, как в настоящем деле. В ходе следствия к тому же не было дано оценки убийств с точки зрения таких понятий, как «соразмерность» и «абсолютная необходимость». Были применены более мягкие критерии «разумного применения силы» или «разумной необходимости». Кроме того, присяжные заседатели, рассматривая действия военнослужащих, сопровождавшихся применением огнестрельного оружия, сосредоточили свое внимание на их уголовной виновности, а не на вопросах, касавшихся небрежного и халатного планирования операции.

167. Европейская комиссия по правам человека рассмотрела дело на основании объяснений сторон и предоставленных ими документов, в частности, на основе материалов следствия. Она не считала себя связанной выводами присяжных заседателей.

168. Европейский Суд напоминает, что в соответствии с Конвенцией установление и проверка фактических обстоятельств относятся в основном к компетенции Европейской комиссии по правам человека (пункт 1 статьи 28 и статья 31 Конвенции). Соответственно, только в исключительных обстоятельствах Европейский Суд пользуется своими полномочиями в этой области. Однако он не связан выводами Европейской комиссии и вправе давать свою собственную оценку факти-

ческим обстоятельствам дела с учетом всех представленных на его рассмотрение материалов (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Крус Варас и другие против Швеции» (Cruz Varas and Others v. Sweden) от 20 марта 1991 г., Series A, № 201, р. 29, § 74, и Постановление Европейского Суда по делу «Клаас против Германии» (Klaas v. Germany) от 22 сентября 1993 г., Series A, № 269, р. 17, § 29).

169. В настоящем деле ни власти Соединенного Королевства, ни заявители при рассмотрении дела Европейским Судом не оспаривали фактов, установленных Европейской комиссией по правам человека, хотя стороны кардинальным образом расходятся в выводах, которые следуют из этих фактов в свете статьи 2 Конвенции.

Принимая во внимание замечания сторон и материалы, полученные в ходе следствия, Европейский Суд считает, что факты, установленные Европейской комиссией по правам человека, и выводы, изложенные выше в §§ 13–132, являются правильным и достоверным изложением фактов, лежащих в основе настоящего дела.

170. Что касается оценки этих фактов с точки зрения статьи 2 Конвенции, то Европейский Суд отмечает, что присяжные заседатели имели возможность непосредственно заслушать свидетелей, наблюдать за их поведением и оценить доказательную силу их показаний.

Тем не менее необходимо учитывать, что выводы присяжных ограничивались решением о законности лишения жизни и, как это принято, не содержали мотивировки принятого решения. Кроме того, внимание присяжных и критерии, примененные им, были направлены на то, чтобы выяснить, было ли лишение жизни, совершенное военнослужащими, разумно оправданным при конкретных обстоятельствах, а не на то, было ли оно «абсолютно необходимым» по смыслу пункта 2 статьи 2 Конвенции по смыслу, изложенному выше (см. выше §§ 120 и 148–149).

171. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд должен решить, свидетельствовали ли факты, установленные Европейской комиссией по правам человека, о нарушении статьи 2 Конвенции.

172. Заявители, кроме того, утверждали, что при оценке действий государства по делу, в котором сознательное намерение применить силу, способную привести к лишению жизни, было прямо выражено в письменной форме, Европейский Суд должен возложить бремя доказывания на власти государства-ответчика, которые должны устранить все разумные сомнения в том, что планирование и проведение операции соответствовали статье 2 Конвенции. Европейский Суд также не должен позволить государству сомневаться в том, что речь идет о его уголовной ответственности.

173. Европейский Суд, решая вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 2 Конвенции в настоящем деле, не рассматривает вопрос об уголовной ответственности тех, кто прямо или косвенно к нему причастен. В соответствии со своей обычной практикой он осуществляет оценку с учетом всех материалов, представленных ему заявителями и властями государства-ответчика или в случае необходимости в свете материалов, полученных им самим (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, р. 64, § 160, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Крус Варас и другие против Швеции» (Cruz Varas and Others v. Sweden), р. 29, § 75).

2. Утверждения заявителей о преднамеренном характере лишения жизни

174. Заявители утверждали, что лишение жизни указанных лиц планировалось преднамеренно. Признавая отсутствие доказательств о существовании прямого приказа высшего руководства Министерства обороны, они считали, что имелись веские косвенные доказательства в пользу их утверждения. Они полагали, что замысел на убийство мог быть выражен путем намеков и косвенных указаний наряду с выбором такого военного подразделения, как САС, которое, как следует из показаний его сотрудников, данных в ходе следствия, обучено нейтрализовать цели огнем на поражение. Предоставление ложной информации, подобной той, которая фактически была дана военнослужащим в рассматриваемом случае, создает вероятность открытия огня на поражение. Использование САС само по себе является свидетельством того, что лишение жизни было умышленным.

175. Заявители, кроме того, утверждали, что полиция Гибралтара, по-видимому, не знала об этой незаконной акции. Они подчеркивали, что офицер Е из подразделения САС провел секретный инструктаж для своих сотрудников, на котором сотрудники полиции Гибралтара не присутствовали. Более того, когда военнослужащие прибыли в отделение полиции после стрельбы, их сопровождал армейский юрист, который ясно заявил, что сотрудники прибыли только с целью сдачи оружия. К тому же они были немедленно отправлены самолетом из Гибралтара, и их допрос в полиции даже не состоялся.

176. В обоснование своих утверждений заявители ссылались, в частности, на следующие факторы: – самым лучшим и безопасным способом предотвращения взрыва и захвата подозреваемых было бы не допустить их вместе со взрывным устройством в Гибралтар. У властей были их фотографии,

они знали их настоящие и вымышленные имена, а также какие паспорта у них были с собой;

– если подозреваемые находились под пристальным наблюдением властей Испании на пути от г. Малага до Гибралтара, как утверждал журналист Дебелиус, то аренда белого автомобиля «Рено» должна была быть замечена, и было бы известно, что в нем нет взрывного устройства (см. выше § 128);

– данное утверждение подтверждается тем, что власти не приняли мер по ограждению опасной зоны и выводу людей из нее. В Гибралтаре находилось много военных с опытом быстрого вывода людей из зоны возможного взрыва. Единственное объяснение этому бездействию состоит в том, что службы безопасности знали, что в автомобиле нет взрывного устройства;

– военнослужащий G, который был направлен для осмотра автомобиля и доложил, что он подозревает наличие взрывного устройства в автомобиле, во время следствия признал, что он не являлся специалистом по передаче радиосигналов (см. выше § 53). Это важный момент, поскольку единственной основой для его вывода явилось то, что радиоантенна выглядела старше, чем автомобиль. Настоящий специалист подумал бы о снятии антенны, чтобы нейтрализовать радиодетонатор, что могло бы быть сделано, как засвидетельствовал доктор Скотт, без приведения в действие взрывного устройства. Специалист также знал бы, что, если подозреваемые намеревались взорвать бомбу с помощью радиосигнала, они не стали бы использовать ржавую антенну, которая ухудшает возможность приема четкого сигнала, а применили бы чистую антенну (см. выше § 114). Из показаний G также следовало, что он не является специалистом и по взрывным устройствам. Таким образом, вероятно, настоящая роль военнослужащего G состояла в том, чтобы доложить, что он подозревает наличие бомбы в автомобиле, для получения от полиции Гибралтара подписи на документе, разрешающем САС применение оружия на поражение.

177. По утверждениям властей Соединенного Королевства, вердикт присяжных заседателей о законности лишения жизни подразумевал, что присяжные считали установленным фактом отсутствие заговора с целью лишения жизни троих террористов и что при планировании и выполнении операции в Гибралтаре подобная цель не ставилась. Задача операции заключалась в осуществлении законного задержания троих террористов, и именно с этой целью была запрошена и получена помощь военных. Кроме того, присяжные, по-видимому, не согласились также с утверждением заявителей о том, что военнослужащие А, В, С и D сознательно стремились убить террористов, действуя в соответствии либо с прямым приказом, либо отданным «кивком головы или подмигиванием».

178. По заключению Европейской комиссии по правам человека, отсутствовали доказательства в пользу утверждения заявителей о существовании преднамеренного заговора с целью убить подозреваемых.

179. Европейский Суд отмечает, что ему необходимо было получить убедительные доказательства прежде, чем он сможет сделать вывод о наличии преднамеренного плана, в том смысле, который вкладывают в это выражение заявители.

180. Изучив предоставленные на его рассмотрение материалы, Европейский Суд не считает установленным, что на высшем уровне руководства Министерства обороны или в Правительстве Соединенного Королевства имел место заговор с целью лишения жизни и что военнослужащие А, В, С и D побуждались к этому или им были даны соответствующие указания их начальниками, которые проводили инструктаж перед операцией, или что они по собственной инициативе действительно решили убить подозреваемых независимо от того, будут ли основания для применения оружия на поражение, и не считаясь с полученными инструкциями о задержании. Отсутствовали также доказательства того, что власти в скрытой форме поощряли, намекали и косвенно побуждали к ликвидации троих подозреваемых.

181. Факторы, которыми оперировали заявители, сводились к ряду предположений о том, что власти, по-видимому, знали об отсутствии взрывного устройства в автомобиле. Однако принимая во внимание полученную властями оперативную информацию, биографии троих террористов, имевших ранее отношение ко взрывным устройствам, а также тот факт, что Сэвидж, как видел наблюдатель, «возился с чем-то» перед тем, как покинул автомобиль (см. выше § 38), мнение о том, что в автомобиле находилось взрывное устройство, нельзя назвать ни неправдоподобным, ни полностью лишенным оснований.

182. В частности, решение допустить террористов в Гибралтар, хотя и заслуживает критики, учитывая риск, с которым оно было связано, соответствовало разработанному консультативной группой плану задержания, согласно которому никакие действия по задержанию не должны были предприниматься, пока все трое подозреваемых не появятся в Гибралтаре и не будет достаточных доказательств подготовки ими преступления, необходимых для их осуждения (см. выше § 37).

183. Европейский Суд также не может согласиться с утверждением заявителей о том, что использование САС само по себе являлось доказательством того, что лишение жизни подозреваемых было умышленным. В этой связи Европейский Суд отмечает, что САС являлась особым подразделением, бойцы которого прошли специальную подготовку по борьбе с терроризмом. Поэтому вполне естественно, что, получив заранее предупрежде-

ние о предстоящем террористическом акте, власти захотели прибегнуть к умению и опыту военнослужащих САС, чтобы противодействовать этой угрозе по возможности с наибольшей безопасностью и знанием дела.

184. В связи с этим Европейский Суд отклоняет как необоснованное выдвинутое заявителем обвинение в том, что лишение жизни троих подозреваемых было преднамеренным или стало результатом молчаливого соглашения участников операции.

3. Проведение и планирование операции

(а) Доводы лиц, явившихся на слушания в Европейский Суд

1. Заявители

185. По мнению заявителей, Европейский Суд поступит неправильно, как это сделала Европейская комиссия по правам человека, если он ограничится изучением вопроса о том, были ли оправданы действия военнослужащих, которые фактически убили подозреваемых. Он должен рассмотреть вопрос об ответственности властей Соединенного Королевства за все аспекты операции. В самом деле военнослужащие вполне могли бы быть оправданы уголовным судом, если бы доказали, что действительно верили той необоснованной и ложной информации, которую они получили.

186. Офицер Е (командир штурмовой группы) сказал военнослужащим, что трое подозреваемых заложили взрывное устройство в автомобиль в Гибралтаре, тогда как военнослужащий G, специалист по обезвреживанию бомб, доложил, что он лишь подозревает наличие бомбы, что взрывное устройство было с дистанционным управлением, что каждый из подозреваемых мог взорвать ее из любой точки Гибралтара простым щелчком переключателя и что подозреваемые без колебаний могут это сделать, как только почувствуют за собой слежку. В действительности эти «несомненные обстоятельства» и «факты» были не более чем подозрениями или в лучшем случае сомнительными оценками. Однако они были представлены как достоверные факты военнослужащим, которые, как выяснилось из показаний, данных в ходе следствия, были обучены не только открывать огонь при малейшем намеке на угрозу, но и продолжать стрелять, пока не ликвидируют свою цель.

В целом заявители считали, что лишение жизни стало результатом некомпетентности и небрежности при планировании и проведении антитеррористической операции по задержанию подозреваемых, а также неспособности сохранить надлежащий баланс между необходимостью противодействия возникшей угрозе и правом подозреваемых на жизнь.

2. Власти Соединенного Королевства

187. Власти Соединенного Королевства утверждали, что действия военнослужащих были абсолютно необходимыми для защиты людей от противоправного насилия по смыслу подпункта «а» пункта 2 статьи Конвенции. Каждый из военнослужащих за считанные секунды должен был принять решение, которое могло бы повлиять на жизни многих людей. Власти Соединенного Королевства полагали, что те движения, которые сделали подозреваемые в тот момент, когда их пытались задержать, создали впечатление, что террористы вот-вот взорвут бомбу. Это обстоятельство было подтверждено другими свидетелями, которые видели эти движения. Если признать, что военнослужащие честно и разумно считали, что террористы, по которым они открыли огонь, собирались взорвать бомбу нажатием кнопки, то тогда у них не было иного выбора, кроме как открыть огонь.

188. Власти Соединенного Королевства также подчеркнули, что многое из той информации, которая находилась в распоряжении властей, и многие выводы, сделанные ими, оказались точными. Все трое погибших являлись членами боевого подразделения ИРА, которое планировало провести операцию в Гибралтаре, они действительно располагали большим количеством взрывчатых веществ, позднее обнаруженных в Испании, в этой операции должно было применяться взрывное устройство, заложенное в автомобиле. Таким образом, жизнь людей в Гибралтаре подвергалась реальной и очень серьезной опасности.

189. Власти Соединенного Королевства далее заявили, что при изучении вопроса о планировании антитеррористической операции необходимо иметь в виду, что оценки разведки неизбежно основываются на неполной информации, поскольку бывают известны только фрагменты общей картины. Более того, опыт свидетельствовал о том, что ИРА отличалась особой безжалостностью и умением в проведении контрразведывательных действий и что эта организация делала всё возможное, чтобы скрыть свои намерения от властей. Кроме того, опыт событий в Северной Ирландии доказал, что ИРА постоянно и быстро разрабатывает новые технологии. В связи с этим властям необходимо было иметь в виду, что террористы могли располагать более современными и легче маскируемыми радиоуправляемыми устройствами, чем в своих прежних операциях. Наконец, последствия недооценки угрозы, исходившей от боевого подразделения ИРА, могли привести к катастрофе. Если бы им удалось взорвать бомбу того типа и мощности, как та, что была обнаружена в Испании, все находившиеся на автостоянке люди погибли бы или получили бы тяжкие телесные повреждения, а все те, кто оказался бы в расположенных поблизости зданиях

(в числе которых были школа и дом престарелых), получили бы серьезные травмы.

190. Предложения разведывательных служб в ходе операции были разумными в свете того неизбежно ограниченного объема информации, который был у властей, и с учетом потенциально разрушительных последствий недооценки способностей и возможностей террористов. В связи с этим власти Соединенного Королевства сделали следующие замечания:

- считалось, что будет применено дистанционно управляемое взрывное устройство, поскольку оно повышает шансы террористов скрыться и максимально увеличивает долю потерь среди военных по сравнению с гражданскими лицами. Кроме того, ИРА всего за шесть недель до этого применила подобное устройство в г. Брюсселе;

- предполагалось, что любое взрывное устройство дистанционного управления, подобное представленному в Европейский Суд, достаточно невелико для того, чтобы его можно было легко спрятать под одеждой. Военнослужащие, участвовавшие в операции, сами без труда проделывали это с радиоаппаратурой такого размера;

- как пояснил в ходе следствия капитан Эдвардс, проведенные эксперименты доказывали, что взрывное устройство на автостоянке можно было привести в действие с того места, где были убиты террористы (см. выше § 116);

- имевшийся опыт давал все основания предполагать, что взрывное устройство, применяемое террористами, можно было привести в действие простым нажатием кнопки;

- по словам свидетеля О, террористам не понадобилась бы машина для предварительной парковки, поскольку они с легкостью нашли бы 8 марта свободное место на автостоянке. Причем использование машины для предварительной парковки существенно увеличивало риск обнаружения террористов, так как потребовалось бы совершить две поездки в Гибралтар (см. выше § 23(e));

- отсутствуют основания сомневаться в доброосвестности оценки, сделанной военнослужащим G относительно того, что машина была заминирована, прежде всего потому, что, по его словам, он хорошо знал заминированные автомобили. Кроме того, машину на стоянку ставил известный специалист по производству подобных устройств, причем было замечено, что он возился с чем-то между сиденьями, а радиоантенна, как казалось, была не нужна на том автомобиле. Заминированные автомобили, применяемые ИРА, как было известно из опыта, оснащались специально установленными антеннами, и военнослужащий G не мог с уверенностью сказать после наружного осмотра, что в автомобиле не установлено взрывное устройство (см. выше § 48). Более того, все трое подозреваемых, судя по всему, покидали Гибралтар. Наконец, установление оцепления вокруг автомобиля нача-

лось только через 20 минут после упомянутой выше оценки как из-за нехватки людей, так и потому, что до 7–8 марта не предполагалось проводить мероприятия по эвакуации;

- было бы неосмотрительно со стороны властей полагать, что террористы не взорвали бы бомбу в случае опасности. ИРА – крайне идеологизированная террористическая организация, которая считала, что находится в состоянии войны с Соединенным Королевством, а члены ИРА уже не раз демонстрировали пренебрежение опасностью. Существовал реальный риск того, что, если бы террористы оказались перед выбором, производить ли взрыв, который мог повлечь за собой большое количество жертв среди гражданского населения, или отказаться от него совсем, они предпочли бы первый вариант.

3. Европейская комиссия по правам человека

191. Европейская комиссия по правам человека, приняв во внимание то, как военные оценивали опасность для жизни жителей Гибралтара, пришла к выводу, что лишение жизни троих подозреваемых могло рассматриваться как абсолютно необходимое условие для достижения законной цели – защиты людей от противоправного насилия. Кроме того, она заключила, что, учитывая возможность того, что подозреваемые привезли в машине бомбу, взрыв которой повлек бы за собой гибель многих людей, а также возможность того, что подозреваемые могли взорвать ее, если бы военнослужащие сделали попытку помешать им, планирование и проведение данной операции властями не указывали на наличие какого-либо преднамеренного умысла или на отсутствие надлежащего внимания, в результате которых могло произойти применение силы, влекущей лишение жизни, несоизмерное с необходимостью охраны права на жизнь.

(b) Мнение Европейского Суда

1. Предварительные соображения

192. Рассматривая дело в свете статьи 2 Конвенции, Европейский Суд должен учитывать, что полученная властями Соединенного Королевства информация о готовящемся террористическом акте в Гибралтаре поставила их перед серьезной дилеммой. С одной стороны, от них требовалось исполнить свой долг по охране права на жизнь людей в Гибралтаре, включая военнослужащих Соединенного Королевства, с другой стороны, минимально применить силу, влекущую лишение жизни, против тех, кто подозревается в создании такой угрозы, с учетом обязательств, вытекающих из норм как внутригосударственного, так и международного права.

193. Необходимо было принять во внимание также нижеследующие факторы.

Во-первых, власти столкнулись с боевым подразделением ИРА, состоявшим из лиц, ранее осужденных за организацию взрывов, и известного специалиста-подрывника. ИРА, судя по ее деятельности в прошлом, всегда пренебрежительно относилась к человеческой жизни, включая и жизнь членов своей организации.

Во-вторых, власти располагали предупреждением о грозящей акции террористов, тем самым имея достаточные возможности для планирования своих действий и принятия совместно с властями Гибралтара мер для срыва террористического акта и задержания подозреваемых. Однако неизбежно, что спецслужбы не могли иметь полной информации и вынуждены были готовить ответную операцию, основываясь на предположениях.

194. На основании вышеизложенного, принимая решение о соответствии примененной силы статье 2 Конвенции, Европейский Суд должен тщательно изучить, как отмечено выше, не только вопрос о строгой соразмерности силы, примененной военнослужащими, цели защиты людей от противоправного насилия, но и о том, планировалась ли и проводилась ли властями антитеррористическая операция таким образом, чтобы свести к минимуму (насколько возможно) применение силы, влекущей лишение жизни. Европейский Суд рассмотрит каждый из этих вопросов поочередно.

2. Действия военнослужащих

195. Следует напомнить, что военнослужащим, которые открыли стрельбу (А, В, С и D), командиры сообщили следующее: машина заминирована, и любой из трех подозреваемых может взорвать бомбу с помощью радиоустройства, которое может быть спрятано под одеждой, активировать это устройство можно нажатием кнопки, в случае противодействия им террористы, вероятно, производят взрыв, который приведет к многочисленным жертвам и тяжелым ранениям, а также что существует вероятность того, что подозреваемые будут вооружены и окажут сопротивление при задержании (см. выше §§ 23, 24–27, 28–31).

196. Что касается лишения жизни Макканна и Фаррелл, то Европейский Суд напоминает: Европейская комиссия по правам человека установила, что они были застрелены с близкого расстояния после того, как сделали, по мнению военнослужащих А и В, подозрительные движения руками, похожие на попытку осуществить подрыв взрывного устройства (см. выше § 132). Согласно имевшимся доказательствам, когда указанные лица падали, по ним стреляли, но когда они лежали на земле, по ним не стреляли (см. выше §§ 59–67). Четверо свидетелей сказали, что слышали предупредительный крик (см. выше §§ 75). Офицер Р

подтвердил показания военнослужащих относительно сделанных террористами движений руками (см. выше § 76). Офицер Q и констебль полиции Пэроди также подтвердили, что Фаррелл сделала быстрое, подозрительное движение рукой к своей сумочке (см. *ibid.*).

197. Что касается лишения жизни Сэвиджа, согласно показаниям свидетелей, между выстрелами у автозаправочной станции «Шелл» (Макканн и Фаррелл) и выстрелами у Лендпортского туннеля (Сэвидж) прошло всего несколько секунд. Европейская комиссия по правам человека сделала вывод о том, что было маловероятно, чтобы военнослужащие С и D сначала увидели, как застрелили Макканна и Фаррелл, а затем начали преследовать Сэвиджа, который обернулся то ли после звука полицейской сирены, то ли при звуках выстрелов (см. выше § 132).

Военнослужащий С открыл огонь, поскольку Сэвидж протянул руку к карману куртки и тем самым вызвал опасение, что он хочет привести в действие взрывное устройство. К тому же военнослужащий С увидел, что у Сэвиджа в кармане виден какой-то большой предмет, который он считал детонатором-радиопередатчиком взрывного устройства. Военнослужащий D также открыл огонь на поражение, полагая, что подозреваемый пытался активировать предполагаемое взрывное устройство. Показания военнослужащих нашли некоторое подтверждение в показаниях свидетелей Н и J, которые видели, как Сэвидж резко повернулся лицом к военнослужащим, услышав, очевидно, полицейскую сирену или первый выстрел (см. выше §§ 83 и 85).

Европейская комиссия по правам человека пришла к выводу, что в Сэвиджа стреляли с близкого расстояния, пока он не упал на землю и, вероятно, в тот момент, когда он должен был коснуться или уже коснулся земли (см. выше § 132). Данный вывод был подтвержден в ходе следствия патологоанатомами (см. выше § 110).

198. Впоследствии было выяснено, что подозреваемые не имели при себе ни оружия, ни детонирующих устройств, и что в машине не было взрывного устройства (см. выше §§ 93 и 96).

199. Все четверо военнослужащих признали, что они стреляли на поражение. Они считали, что надо было стрелять в подозреваемых до тех пор, пока те физически будут не в состоянии активировать взрывное устройство (см. выше §§ 61, 63, 80 и 120). Согласно заключению патологоанатомов в Фаррелл попали восемь пуль, в Макканна – пять, в Сэвиджа – 16 (см. выше §§ 108–110).

200. Европейский Суд признает, что военнослужащие добросовестно полагали (в свете полученной ими информации, которая была изложена выше), что необходимо было стрелять в подозреваемых с целью не дать им возможности привести в действие взрывное устройство и тем самым пре-

дотворить гибель многих людей (см. выше § 195). Действия, предпринятые ими согласно полученному приказу, рассматривались ими, таким образом, как абсолютно необходимые для защиты жизни ни в чем не повинных людей.

Европейский Суд считает, что применение силы представителями государства для достижения одной из целей, указанных в пункте 2 статьи 2 Конвенции, может быть оправдано в соответствии с этой нормой в тех случаях, когда применение силы основывается на добросовестном убеждении, которое по веским основаниям может считаться верным в момент ее применения, но впоследствии оказывается ошибочным. Иное решение означало бы возложение чрезмерного бремени ответственности на государство и сотрудников правоохранительных органов при выполнении долга, возможно, даже с риском для их жизни и жизни других людей.

Следовательно, учитывая дилемму, стоявшую перед властями государства-ответчика в связи с обстоятельствами настоящего дела, действия военных сами по себе не вступали в противоречие с пунктом 2 статьи 2 Конвенции.

201. Тем не менее возникает вопрос о том, была ли операция против террористов в целом подготовлена и проведена в соответствии с требованиями статьи 2 Конвенции, и можно ли считать сведения и инструкции, данные военнослужащим (из которых неизбежно следовало применение оружия на поражение), адекватными, принимая во внимание право на жизнь троих подозреваемых.

3. Подготовка и проведение операции

202. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что, как следовало из оперативного приказа комиссара полиции, власти имели намерение задерживать подозреваемых в подходящий момент. В ходе следствия были даны показания, согласно которым до 6 марта военнослужащими отрабатывалась операция по проведению задержания, и прилагались усилия для поиска подходящего места в Гибралтаре, куда подозреваемых можно было бы поместить после задержания (см. выше §§ 18 и 55).

203. Можно задать следующие вопросы: почему всех троих подозреваемых не задержали на границе немедленно после их прибытия в Гибралтар, и почему (как выяснилось из показаний инспектора Аллджера) было принято решение не препятствовать им при въезде в Гибралтар, если власти располагали информацией о том, что эти лица прибыли с намерением провести террористическую акцию? Получив заранее предупреждение о намерениях террористов, власти без труда могли организовать операцию по их задержанию. Хотя для властей было неожиданным более раннее прибытие подозреваемых, на границе находилась группа наблюдателей, и неподалеку располагалась группа захвата (см. выше §§ 34). В распоряжении

спецслужб и властей Испании были фотографии всех троих подозреваемых, были известны их имена, настоящие и вымышленные, а также по каким паспортам они могли прибыть (см. выше § 33).

204. По этому вопросу власти Соединенного Королевства утверждали, что в то время они не располагали достаточными основаниями для задержания и предъявления обвинения подозреваемым. Более того, отпустить их, когда им станет известно о степени информированности властей, и позволить им или другим лицам предпринять еще одну попытку означало бы явно повысить степень последующего риска. Кроме того, не было уверенности, что эти трое – единственные террористы, с которыми властям придется иметь дело. Кроме того, они не располагали полной информацией о том, каким образом подозреваемые намеревались совершить террористический акт.

205. В этом отношении Европейский Суд ограничится замечанием о том, что следует признать, что возможные последствия из-за недостаточности улики для задержания и судебного разбирательства менее важны, чем опасность для населения Гибралтара (которой прежде всего были обеспокоены власти Соединенного Королевства, как это следовало из представленных им объяснений), возникшая в связи с тем, что их въезд в страну не был предотвращен. По мнению Европейского Суда, либо власти знали, что в автомобиле не было бомбы, что Европейский Суд уже не принял во внимание (см. выше § 181), либо что имел место серьезный просчет лиц, ответственных за проведение операции. В результате сложились условия, в которых применение оружия со смертельным исходом, учитывая имевшиеся оценки спецслужб, было если невозможно, то с большой степенью вероятности предвидимо.

Решение не останавливать троих террористов при въезде в Гибралтар, таким образом, являлось существенным фактором, который необходимо было принимать во внимание.

206. Европейский Суд отмечает, что на инструктаже 5 марта, на котором присутствовали военнослужащие А, В, С и D, рассматривалась вероятность того, что террористический акт будет совершен посредством мощного взрывного устройства, находящегося в автомобиле. Был сделан ряд ключевых оценок. В частности, предполагалось, что террористы не будут использовать дополнительный автомобиль для предварительной парковки, что взрывное устройство должно было быть приведено в действие с помощью радиоуправляемого устройства, что взрыв мог быть произведен нажатием кнопки, что, скорее всего, подозреваемые взорвут бомбу, если их попытаются задержать, и что они будут вооружены и, весьма вероятно, применят оружие, если произойдет столкновение (см. выше §§ 23–31).

207. В настоящем деле все эти решающие предположения, за исключением намерения террористи-

стов совершить преступление, были ошибочными. Тем не менее, как было продемонстрировано властями Соединенного Королевства на основе опыта столкновений с ИРА, эти предположения представляли все возможные гипотезы в ситуации, когда реальные факты неизвестны и когда власти действуют на основе ограниченной разведывательной информации.

208. В действительности, по-видимому, другие варианты развития событий были недостаточно проработаны. Например, поскольку взрыв бомбы ожидался не ранее 8 марта, когда должна была состояться церемония смены караула, то можно было прийти к выводу, что эти три террориста были направлены с разведывательной миссией. Хотя эта возможность и рассматривалась, она, судя по всему, серьезно не воспринималась (см. выше § 45).

Кроме того, на инструктаже или после того, как подозреваемые были обнаружены, могли быть высказаны предположения о том, что они едва ли хотели взорвать бомбу и уничтожить тем самым большое количество гражданских лиц, поскольку Макканн и Фаррелл шли не спеша в направлении пограничного района, а это увеличивало бы риск их обнаружения и задержания (см. выше § 57). Также представляется неправдоподобной мысль о том, что в этот момент они уже настроили передатчик, который позволил бы им немедленно привести в действие предполагаемое взрывное устройство в случае попытки их задержания (см. выше § 115).

Даже если учесть уровень технической подготовки ИРА, то описание детонатора как «кнопки» без тех оговорок, которые позже были сделаны экспертами в ходе следствия (см. выше §§ 115 и 131), о значении которых компетентные власти должны были быть осведомлены, представляет собой крайне упрощенную характеристику данных устройств.

209. В такой ситуации настораживает и тот факт, что предположение о возможности «подозревать наличие взрывного устройства в автомобиле», которое военнослужащий G высказал после беглого внешнего осмотра автомобиля, было передано другим военнослужащим, согласно собственному свидетельству последних, как определенно установленный факт наличия такого взрывного устройства (см. выше §§ 48 и 51–52). Следует напомнить, что, хотя военнослужащий G и имел опыт работы с заминированными автомобилями, он, как выяснилось, не являлся специалистом в области радиосвязи или взрывчатых веществ, а его заключение о возможности подозревать наличие бомбы в автомобиле, основанное на его наблюдении, что антенна не соответствовала автомобилю, имело скорее характер сообщения о том, что нельзя было исключать наличие взрывного устройства (см. выше § 53).

210. В условиях, когда альтернативным вариантам не было уделено достаточно внимания и когда

с определенностью сообщалось о существовании автомобиля со взрывным устройством, которое, согласно сделанным оценкам, могло быть приведено в действие нажатием кнопки, целый ряд рабочих гипотез был преподнесен военнослужащим A, B, C и D как установленные факты, в связи с чем применение силы, влекущей за собой лишение жизни, стало почти неизбежным.

211. Однако тот факт, что не учитывалась возможность ошибки, следует рассматривать также в совокупности с полученной военнослужащими установкой о том, что, если они откроют огонь, то должны будут вести его, пока подозреваемый не будет мертв. Как отмечалось коронером в его напутственном слове присяжным во время следствия, все четверо военнослужащих стреляли с целью лишить жизни подозреваемых (см. выше §§ 61, 63, 80 и 120). Военнослужащий E пояснил, что военнослужащим говорили, что была велика вероятность того, что они будут вынуждены стрелять на поражение, поскольку в случае использования устройства, приводимого в действие нажатием кнопки, в их распоряжении останется очень мало времени (см. выше § 26). На этом фоне власти, связанные обязанностью уважать право подозреваемых на жизнь, должны были проявлять величайшую осторожность при оценке находящейся в их распоряжении информации перед ее передачей военнослужащим, применение оружия которыми автоматически означало стрельбу на поражение.

212. Поскольку подробное изучение в ходе следствия подготовки, полученной военнослужащими, было невозможно из-за указов о неразглашении определенной информации в публичных целях (см. выше § 104(1)(iii)), непонятно, были ли они обязаны определять, было ли оправдано применение огнестрельного оружия с целью поражения теми конкретными обстоятельствами, с которыми они столкнулись в момент задержания.

Их рефлексорные действия в этом жизненно важном вопросе лишены были той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе, даже когда они имеют дело с опасными людьми, подозреваемыми в терроризме, и явно не отвечали требованиям проявлять осторожность, предусматриваемую инструкциями по применению сотрудниками полиции огнестрельного оружия, с которыми они были ознакомлены и в которых подчеркивалась ответственность перед законом каждого сотрудника в зависимости от ситуации, в которой будет применено оружие (см. выше §§ 136 и 137).

Это упущение властей также дает основания предполагать, что не была проявлена необходимая осторожность при контроле и организации операции по задержанию.

213. В итоге, принимая во внимание решение не препятствовать въезду подозреваемых в Гибралтар, учитывая, что власти не смогли учесть возможность ошибочности своих разведывательных данных, по крайней мере, в некоторых аспектах и что, когда военнослужащие открыли огонь, это автоматически означало применение силы, влекущей за собой лишение жизни, Европейский Суд не убежден в том, что лишение жизни троих террористов представляло собой применение силы, абсолютно необходимой для защиты людей от противоправного насилия по смыслу подпункта «а» пункта 2 статьи 2 Конвенции.

214. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 50 КОНВЕНЦИИ

215. Статья 50 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

216. Заявители требовали выплатить им компенсацию в размере, в котором она присуждается согласно праву Соединенного Королевства лицу, незаконно лишенному жизни представителями государства. В случае, если Европейский Суд установит, что лишение жизни было как неправомерным, так и преднамеренным или явилось результатом грубой небрежности, они просили также выплатить штрафную компенсацию в размере, в котором она присуждается согласно праву Соединенного Королевства родственникам лица, лишенного жизни при подобных обстоятельствах.

217. Что касается судебных расходов и издержек, то заявители требовали компенсации всех издержек, прямых или косвенных, возникших в результате лишения жизни, включая расходы родственников и адвокатов, участвовавших в следствии в Гибралтаре, и все расходы, понесенные в г. Страсбурге. Издержки солиситора, связанные со следствием в Гибралтаре, были оценены заявителями в размере 56 200 фунтов стерлингов и его затраты в г. Страсбурге – в 28 800 фунтов стерлингов. Адвокат просил выплатить 16 700 фунтов стерлингов в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства дела в Европейском Суде.

218. Власти Соединенного Королевства считали, что, если будет установлен факт нарушения Конвенции, финансовая компенсация в форме возмещения материального ущерба и морального вреда была бы излишней и необязательной.

Что касается расходов, понесенных в страбургских органах, то, по мнению властей Соединенного Королевства, заявителям следует присудить только расходы, которые действительно и вынужденно были понесены ими в разумных пределах. Однако относительно требований о компенсации затрат, связанных со следствием в Гибралтаре, власти Соединенного Королевства утверждали, что (1) в принципе затраты по проведению судебного разбирательства на внутригосударственном уровне, включая затраты на участие в следствии, не подлежат возмещению в соответствии со статьей 50 Конвенции, и что, (2) поскольку законные представители заявителей действовали безвозмездно, то отсутствует основание для присуждения судебных издержек в пользу заявителей, и что (3) в любом случае требуемые суммы в качестве компенсации судебных издержек не были рассчитаны на основе обычных ставок солиситора.

A. МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ И МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД

219. Европейский Суд отмечает, что из представлений заявителей не ясно, попадало ли требование о финансовой компенсации под определение материального ущерба или морального вреда или под оба сразу. В любом случае, учитывая тот факт, что трое погибших подозреваемых террористов намеревались произвести взрыв в Гибралтаре, Европейский Суд не считает уместным присудить какую-либо компенсацию по данному пункту и отклоняет требование заявителей о возмещении вреда.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

220. Европейский Суд напоминает, что в соответствии с его прецедентной практикой по данному основанию компенсация предоставляется только в отношении тех расходов, которые были действительно и вынужденно понесены в разумном размере.

221. Что касается затрат при проведении расследования в Гибралтаре, то заявители утверждали на слушаниях в Европейской комиссии по правам человека, что их законные представители выполняли свои функции безвозмездно. В этой связи ничего не говорилось об обязательстве оплаты услуг солиситора. При таких обстоятельствах нельзя требовать возмещения затрат в соответствии со статьей 50 Конвенции, поскольку они не были действительно понесены.

222. Что касается расходов и издержек, понесенных во время слушаний в г. Страсбурге, то Европейский Суд исходя из принципа справедливости решает присудить в качестве компенсации

расходов на оплату услуг солиситора и адвоката соответственно 22 000 и 16 700 фунтов стерлингов за вычетом 37 731 французского франка, полученного от Совета Европы в виде правовой помощи.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила 10 голосами «за» при девяти – «против», что имело место нарушение статьи 2 Конвенции;

2) постановила единогласно, что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в силу выплатить заявителям в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде, 38 700 (тридцать восемь тысяч семьсот) фунтов стерлингов за вычетом 37 731 (тридцати семи тысяч семисот тридцати одного) французского франка, подлежащего конвертации в фунты стерлинги по курсу, действующему на день вынесения настоящего Постановления;

3) отклонила единогласно требование заявителей о компенсации материального ущерба;

4) отклонила единогласно требование заявителей о компенсации расходов и издержек, понесенных в связи с расследованием, проведенным в Гибралтаре;

5) отклонила единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 27 сентября 1995 г.

Герберт ПЕТЦОЛЬД	Рольф РИССДАЛ
Секретарь Большой	Председатель
Палаты Европейского	Большой Палаты
Суда	Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 51 Конвенции и пунктом 2 правила 53 Регламента А Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается совместное особое мнение судей Р. Риссдала, Р. Бернхардта, Тора Вильялмссона, Ф. Гельчюкю, Э. Пальм, Р. Пекканена, сэра Джона Фриланда, А. Бака и П. Ямбрека.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
Р. РИССДАЛА, Р. БЕРНХАРДТА,
ТОРА ВИЛЬЯЛМССОНА, Ф. ГЁЛЬЧЮКЛЮ,
Э. ПАЛЬМ, Р. ПЕККАНЕНА, СЭРА ДЖОНА
ФРИЛАНДА, А. БАКА И П. ЯМБРЕКА**

1. Мы не можем согласиться с мнением большинства наших коллег о том, что в данном деле имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

2. Мы представим свои соображения по основным моментам дела в том порядке, в котором они рассматриваются в настоящем Постановлении.

3. Что касается раздела, в котором дается толкование статьи 2 Конвенции, мы согласны с выводом, сделанным в § 155, что различие между нормами Конвенции и национальными нормами в том, что касается правомерности применения силы, приведшего к лишению жизни, не настолько велико, чтобы на одном этом основании сделать вывод о нарушении пункта 1 статьи 2 Конвенции. Мы также согласны с выводом, сделанным в § 164, о том, что отсутствовало нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции вследствие каких-либо недостатков при проведении на национальном уровне расследования обстоятельств гибели людей.

4. Что касается раздела, в котором рассматривается применение статьи 2 Конвенции к обстоятельствам настоящего дела, мы полностью согласны с отклонением как необоснованного довода заявителей о том, что лишение жизни троих подозреваемых было умышленным или стало результатом молчаливого соглашения участников операции (§ 184 настоящего Постановления).

5. Мы также согласны с выводом, сделанным в § 200 настоящего Постановления, относительно того, что действия четырех военнослужащих, которые открыли стрельбу, сами по себе не вступали в противоречие со статьей 2 Конвенции. Правильно сделано допущение, что они добросовестно полагали, учитывая предоставленную им информацию, что необходимо было действовать именно так, как они и поступили, для того, чтобы помешать подозреваемым привести в действие взрывное устройство, что привело бы к большим человеческим жертвам: предпринимаемые ими действия воспринимались ими как абсолютно необходимые для защиты жизни невинных людей.

6. Однако мы не согласны с оценкой, сделанной большинством судей (§§ 202–214 настоящего Постановления), относительно того, каким образом власти осуществляли контроль и организацию проведения операции. Именно на этой оценке большей частью основано решение о наличии нарушения.

7. Прежде всего напомним, что события, рассматриваемые в настоящем деле, были тщательно изучены на национальном уровне в ходе следствия, которое проводилось в Гибралтаре в течение 19 дней, с 6 по 30 сентября 1988 г. Присяжные заседатели, заслушав показания 79 свидетелей (включая военнослужащих, сотрудников полиции и наблюдателей, участвовавших в операции, а также патологоанатомов, судебных экспертов и специалистов по взрывным устройствам) и выступление коронера о применяемых нормах внутригосударственного законодательства, вынесли девятью голосами против двух вердикт о правомерном причинении смерти. Впоследствии обстоятель-

ства дела были тщательно изучены и оценены Европейской комиссией по правам человека, которая в своем докладе пришла к выводу 11 голосами против шести о том, что не было допущено нарушения Конвенции.

Вывод следствия коронера, действовавшего на основании действующего внутригосударственного права в качестве суда, не является сам по себе решающим фактором при разрешении спора на основании Конвенции в Европейском Суде. Однако учитывая чрезвычайную важность в данном деле надлежащей оценки фактов и несомненное преимущество, которое имели присяжные, наблюдая поведение свидетелей, которые давали свои показания при своем и перекрестном допросах, значение этого вывода, конечно, нельзя недооценивать. Равным образом Европейский Суд не связан оценкой установленных фактов Европейской комиссией по правам человека, но со стороны Европейского Суда, поскольку он знакомится с показаниями свидетелей лишь опосредованным образом, было бы ошибкой не придать надлежащего значения докладу Европейской комиссии по правам человека – органа, который уполномочен в соответствии с Конвенцией устанавливать факты и который, несомненно, имеет большой опыт в выполнении этой задачи.

8. Прежде, чем обратиться к различным аспектам операции, которые подверглись критике в настоящем Постановлении, мы хотели бы выделить три момента общего характера.

Во-первых, делая любую оценку способа организации и контроля за проведением операции, Европейский Суд должен стараться устоять перед искушением воспользоваться преимуществом возможности высказывать ретроспективные суждения. В рассматриваемое время властям приходилось планировать и принимать решения в условиях недостатка информации. Только подозреваемые точно знали о своих намерениях, и частью их цели так же, как, несомненно, частью их подготовки, было сделать так, чтобы об их намерениях было известно как можно меньше. Вряд ли оправданы ретроспективные выводы (когда многое уже прояснилось) о том, что было бы лучше действовать иным способом, чем тем, который был выбран в то время в трудных условиях проведения антитеррористической операции, и что этот способ должен быть признан ошибочным по чьей-либо вине. Его не следует считать таковым, если только не установлено, что при известных в то время обстоятельствах предпочтительнее был бы другой способ действий.

9. Во-вторых, необходимость для властей действовать в строгих рамках закона, в то время как подозреваемые считали гибель сотрудников сил безопасности нормальной, а случайную смерть или травмы, причиненные гражданским лицам, несущественными, неизбежно давала подозрева-

емым тактическое преимущество, которым им ни в коем случае нельзя было дать воспользоваться. Последствия взрыва большой бомбы в центре Гибралтара могли быть настолько разрушительными, что власти, понимая свою ответственность, не должны были рисковать и предоставлять подозреваемым возможность осуществить такой взрыв. Конечно, обязательство властей Соединенного Королевства в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Конвенции распространяется на жизни подозреваемых в такой же степени, как и на жизни многих других гражданских и военных лиц, которые находились в рассматриваемое время в Гибралтаре. Но в отличие от этих других лиц целью находившихся в Гибралтаре подозреваемых было осуществление преступного замысла, который при его успешной реализации мог бы привести к потере многих невинных жизней. Они предпочли поставить себя в такое положение, когда имелась серьезная опасность возникновения непримиримого конфликта между этими двумя обязанностями.

10. В-третьих, при оценке Европейским Судом поведения властей должны в полной мере учитываться (а) информация, которая была получена ранее, о намерениях ИРА организовать крупный террористический акт в Гибралтаре с помощью боевого подразделения из трех человек, и (б) факт обнаружения (в соответствии с показаниями, которые дал на следствии свидетель О) в г. Брюсселе 21 января 1988 г. автомобиля, содержавшего большое количество взрывчатого вещества семтекс и четыре детонатора с радиоуправляемой системой, то есть устройства, известного в Северной Ирландии.

В свете пункта (а) решение о том, что в ответ на просьбу комиссара полиции Гибралтара об оказании военной помощи сотрудники САС должны были быть направлены для участия в операции, было полностью оправданным. Военные подразделения, обученные борьбе с террористами и успешно действующие малочисленными группами, конечно, были подходящим выбором для борьбы с угрозой теракта, готовившегося боевым подразделением ИРА в густонаселенном районе, таком как Гибралтар, где необходимо было в максимальной степени ограничить риск случайной гибели случайных прохожих.

Инструктаж по деталям операции, проведенный 5 марта 1988 г. (§§ 22–31 настоящего Постановления), доказал разумность оценки ситуации, сделанной при известных в рассматриваемое время обстоятельствах. Приказ комиссара полиции Гибралтара о проведении операции, составленный в тот же день, прямо запрещал применение большей, чем необходимо, силы и требовал, чтобы любое применение огнестрельного оружия проводилось осторожно, с учетом безопасности людей, находящихся поблизости. Цель операции была обозначена в нем как защита жизни людей, предотвра-

шение попытки совершения теракта, задержание преступников и обеспечение безопасного содержания заключенных под стражей (§§ 17 и 18 настоящего Постановления).

Всё это свидетельствовало о соответствующем внимании со стороны властей. Об этом же говорил и осторожный подход к передаче, в конечном счете, управления операцией военным 6 марта 1988 г. (§§ 54–58 настоящего Постановления).

11. Что касается изложенных в настоящем Постановлении Европейского Суда отдельных критических замечаний по проведению операции, то главное в них – выражение сомнения (в §§ 203–205) относительно решения не препятствовать въезду в Гибралтар троих подозреваемых лиц. В параграфе 203 настоящего Постановления указано, что с учетом заблаговременно полученной властями информации, а также находившихся в их распоряжении сил безопасности они имели возможность произвести задержание на границе.

Однако в настоящем Постановлении не говорится о том, что у властей имелась возможность задержания подозреваемых и их содержания под стражей на данной стадии. По нашему мнению, это правильно, поскольку на этой стадии могло не оказаться достаточных улик, чтобы обосновать их задержание и передачу суду. Освободить их после того, как они узнают о состоянии готовности властей, значило бы увеличить риск того, что они сами или другие члены ИРА могли бы впоследствии успешно осуществить повторный террористический акт в Гибралтаре. С учетом обстоятельств, известных в то время, не было, соответственно, «серьезным просчетом» со стороны властей то, что они отложили задержание вместо того, чтобы просто остановить подозреваемых на границе и вернуть их в Испанию.

12. В параграфе 206 настоящего Постановления перечислены некоторые «ключевые суждения», сделанные властями, которые, как сказано в § 207, оказались ошибочными, хотя они принимаются в качестве возможных гипотез в ситуации, когда истинные факты были неизвестны, и власти действовали на основе ограниченной разведывательной информации. В параграфе 208 настоящего Постановления продолжается критика в том направлении, что, «по-видимому, другие варианты развития событий были недостаточно проработаны».

13. В качестве первого примера обоснования критических замечаний этот пункт далее констатирует, что, поскольку взрыв бомбы не ожидался до 8 марта, «также можно было прийти к выводу, что... террористы были направлены с разведывательной миссией».

Однако не было ничего нелогичного в заключении, сделанном на оперативном совещании 5 марта, что автомобиль, который прибудет в Гибралтар, едва ли с учетом приведенных доводов будет просто «дополнительным автомобилем для предва-

рительной парковки» (см. § 23(e)). Поэтому, когда автомобиль был припаркован в людном месте одним из подозреваемых, и при этом все трое оказались в Гибралтаре, власти могли вполне оправданно действовать согласно рабочей гипотезе о нахождении в автомобиле взрывного устройства. Одновременно с этим, поскольку подозреваемые вряд ли собирались еще раз рисковать и повторно приезжать в Гибралтар, не представлялось «равно» вероятным то, что они прибыли лишь с разведывательной миссией.

Кроме того, военнослужащий F, главный военный советник комиссара полиции Гибралтара, дал на следствии показания о том, что согласно разведывательным данным мероприятия разведывательного характера ранее уже неоднократно осуществлялись террористами. Как ему доложили, эти мероприятия уже завершены, и операция готова была начаться. В таких условиях, если бы власти не действовали с учетом наихудшего варианта, то есть предположения о наличии в автомобиле взрывного устройства, которое могло быть взорвано подозреваемыми во время их пребывания в Гибралтаре, то они продемонстрировали бы безответственное отношение к общественной безопасности.

14. Далее, во втором абзаце § 208 настоящего Постановления высказывается мысль о том, что на инструктаже или после того, как подозреваемые были обнаружены, «могли быть высказаны предположения о том, что они едва ли намеревались взорвать бомбу и уничтожить тем самым большое количество гражданских лиц, поскольку Макканн и Фаррелл шли не спеша в направлении пограничного района, а это увеличивало бы риск их обнаружения и задержания».

Однако, разумеется, вопрос заключался в том, могли ли власти уверенно действовать, предполагая, что подозреваемые вряд ли взорвут бомбу, если во время продвижения к границе они поймут, что их обнаружили и существует угроза их задержания. По нашему мнению, ответ ясен: весь предыдущий опыт деятельности ИРА безусловно не дает надежных оснований для вывода о том, что убийство большого количества гражданских лиц явилось бы само по себе сдерживающим фактором, или о том, что подозреваемые во время задержания предпочли бы отказаться от взрыва, нежели произвести его, вызвав жертвы среди гражданских лиц. Нелишне вспомнить, что, согласно показаниям военнослужащего F, в разведывательной информации были данные о том, что у ИРА есть намерение устроить «фейерверк». Он также высказал уверенность в том, что, будучи загнанными в угол, подозреваемые без колебания нажали бы на кнопку ради достижения хотя бы некоторого пропагандистского успеха: они попытались бы извлечь такой успех из факта ввоза взрывного устройства в Гибралтар, и это перевесило негативную оценку, которая могла бы вызвать гибель гражданских лиц.

15. Во втором абзаце § 208 настоящего Постановления утверждается, что вряд ли Макканн и Фаррелл хотели взорвать бомбу, когда они «шли не спеша в направлении пограничного района», и далее, что «представляется неправдоподобной мысль о том, что в этот момент они уже настроили передатчик, который позволил бы им немедленно привести в действие предполагаемое взрывное устройство в случае попытки их задержания».

В этом случае, как мы полагаем, вопрос состоит в том, могли ли власти с должным благоразумием действовать по-другому, когда имелась пусть даже самая минимальная возможность того, что если не раньше, то сразу же после того, как подозреваемые поймут, что их обнаружили, передатчик будет находиться в состоянии готовности для приведения в действие взрывного устройства.

16. Далее, в третьем подпункте § 208 настоящего Постановления говорится, что, «даже если учесть уровень технической подготовки ИРА, то описание детонатора как “кнопки” без тех оговорок, которые позже были сделаны экспертами на следствии... о значении которых компетентные власти должны были быть осведомлены, представляет собой крайне упрощенную характеристику этих устройств». Цель этой критики, вероятно, открыта для некоторых сомнений. Очевидно лишь то – и с этим согласился эксперт заявителей во время расследования – что передатчик того типа, который, как полагали, скорее всего был использован в данном случае, мог быть настроен таким образом, чтобы вызвать взрыв простым нажатием кнопки, а с учетом прошлого опыта было бы крайне неразумно сбрасывать со счета возможность технических новшеств ИРА в этой области.

17. В параграфе 209 настоящего Постановления выражена обеспокоенность тем, что высказанное военным служащим G предположение о том, что можно подозревать наличие бомбы в автомобиле, было передано другим военным служащим так, что у них создалось впечатление, что наличие взрывного устройства было уже определено установлено. Однако с учетом предположений по поводу вероятности использования дистанционного управления, а также ряда признаков, указывающих на то, что автомобиль, безусловно, должен был вызывать подозрение о наличии в нем взрывного устройства, ответные действия, которые, без сомнения, были обязаны выполнить военным служащие, явились бы идентичными, вне зависимости от того, поняли ли они переданную информацию как достоверную или она была воспринята ими в том смысле, который имел в виду военный служащий G. В любом случае существование риска для населения Гибралтара с учетом источника риска вполне оправдывало последовавшие ответные действия.

18. В параграфе 209 настоящего Постановления со ссылкой на предположение, сделанное военным служащим G, также упоминается о том, что, хотя

у него и был опыт работы со взрывными устройствами, заложенными в автомобили, он не являлся специалистом по радиосвязи и взрывчатым веществам. Однако рассматривая это предположение, справедливости ради можно было бы добавить, что, хотя проведенный им осмотр автомашины не был продолжительным, он, тем не менее, был достаточным для того, чтобы дать ему возможность сделать вывод (особенно из-за необычного вида антенны, не соответствующей возрасту автомашины, и знания того, что ИРА в прошлом использовала автомашины со специально установленными антеннами), что данный автомобиль следовало рассматривать в качестве подозрительной машины-бомбы.

В любом случае действия властей не основывались только на оценке военнослужащего G. Мы и раньше полагали, на что мы ссылаемся в пункте 13, что маловероятно использование «дополнительного автомобиля для предварительной парковки». Кроме этого, было отмечено, что машина была припаркована Сэвиджем, который был известен как специалист по изготовлению взрывных устройств и который провел в машине (по показаниям одного свидетеля) две или три минуты, возясь с чем-то между сиденьями.

19. В параграфе 210 настоящего Постановления утверждается, что использование силы, влекущей за собой лишение жизни, стало «почти неизбежным» после передачи военным служащим A, B, C и D ряда рабочих гипотез, правомерность которых была поставлена под сомнение в связи с тем, что не были полностью учтены альтернативные варианты, и поскольку «с определенностью сообщалось о существовании автомобиля со взрывным устройством, которое... могло быть приведено в действие нажатием кнопки».

Выше, в пунктах 13–16, мы уже касались аргументов, выдвинутых в поддержку вывода о том, что не были учтены надлежащим образом альтернативные гипотезы, а в пунктах 17 и 18 – вопроса о том, каким образом было доложено о наличии заминированной автомашины.

Мы оспариваем вывод о том, что применение силы, повлекшей за собой лишение жизни, стало «почти неизбежным» из-за ошибок властей в данных вопросах. Совершенно независимо от любых других соображений этот вывод недостаточно учитывает роль случая в возможном исходе событий. Если бы не действия, предпринятые Макканном и Фаррелл, когда военным служащие A и B приблизились к ним, и которые могли быть вызваны абсолютно случайно раздавшимся в это время звуком полицейской сирены, остается вероятность того, что они могли бы быть схвачены и задержаны без единого выстрела, и если бы не действия Сэвиджа, когда военным служащие C и D приблизились к нему, которые могли быть вызваны тем, что он услышал стрельбу, которая произошла во время инцидента с Макканном и Фаррелл, сохраняется вероятность

того, что он также мог быть схвачен и задержан без применения оружия.

20. В конце § 211 настоящего Постановления делается предположение о том, что власти не проявили достаточной осторожности при оценке находящейся в их распоряжении информации перед передачей ее военнослужащим, «применение оружия которыми автоматически означает стрельбу на поражение». Данное предположение, по-видимому, основано не более чем на том допущении, что «не учитывалась возможность ошибок», о чем говорится в начале пункта. Мы уже касались проблемы «недостаточной проработки других вариантов развития событий» (см. выше пункты 13–16), идентичной проблеме возможности ошибки. Чтобы судить о способе оценки властями информации, имеющейся в их распоряжении, в любом случае необходимо надлежащим образом учитывать необходимость для властей довольствоваться неполной информацией (см. выше пункт 8), и нет неоспоримых оснований предполагать, что имелась информация, которую они с разумной точки зрения должны были бы знать, но не знали.

21. В параграфе 212 настоящего Постановления, после краткого упоминания об ограничительном действии указов о неразглашении определенной информации в публичных целях и констатации того, что «непонятно, были ли они обязаны определять, было ли оправдано применение огнестрельного оружия с целью поражения теми конкретными обстоятельствами, с которыми они столкнулись в момент задержания», далее говорится о том, что «их рефлекторные действия в этом жизненно важном вопросе лишены были той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе, даже когда они имеют дело с опасными людьми, подозреваемыми в терроризме, и явно не отвечали требованиям проявлять осторожность, предусматриваемую инструкциями по применению сотрудниками полиции огнестрельного оружия». И в заключение утверждается, что это «упущение властей также дает основания предполагать, что не была проявлена необходимая осторожность при контроле и организации операции по задержанию».

22. Относительно предположения о том, что, если бы от военнослужащих в соответствии с их подготовкой и инструкциями требовалось оценить ситуацию, чтобы стрельба на поражение могла быть расценена ими как оправданная обстоятельствами, необходимо напомнить, что ситуация предполагала полную уверенность с их стороны в том, что подозреваемые могли в любую минуту, нажав на кнопку, привести в действие взрывное устройство. В данной ситуации стрельба с целью только ранить могла бы привести к особенно опасному повороту: ранение могло и не лишить подозреваемого возможности двигаться и позволило бы

ему или ей нажать кнопку, если он или она намеревались сделать это.

23. В целом, что касается подготовки этих военнослужащих (и не только их), в ходе следствия было получено достаточно свидетельств того, что они были обучены реагировать на угрозу (подобную той, которая, как предполагалось, была создана в данном случае подозреваемыми – опасными террористами, подвергающими непосредственному риску жизни многих людей) открытием огня немедленно, как только становится ясно, что подозреваемый не отказывается от своих намерений. Задача, которая преследуется при этом, может быть достигнута только открытием огня на поражение. Во время следствия было также установлено, что военнослужащие САС не были бы приняты на службу, если бы они не проявляли осмотрительность и внимательность, что они не должны бросаться вперед и открывать огонь не задумываясь, и они этого и не сделали, хотя действительно должны были действовать очень быстро. Кроме того, существовали доказательства того, что военнослужащие САС на самом деле в подавляющем большинстве случаев в прошлом успешно задерживали террористов.

24. Мы не убеждены в том, что у Европейского Суда с учетом результатов следствия и данных о террористической деятельности были основания считать, что военнослужащие были малоподготовлены и что их действия в данном случае «лишены той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе». (Мы также не считаем в свете имеющихся данных, что справедливо утверждение о «рефлекторном действии в этом жизненно важном вопросе». Быть обученным мгновенно реагировать и действительно поступать так, когда этого требует ситуация, не является рефлекторным действием.)

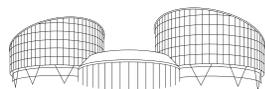
Мы также не признаем того, что различия между руководством для сотрудников полиции по использованию огнестрельного оружия (§ 137 настоящего Постановления) и руководством «Огнестрельное оружие: правила применения», приложенным к оперативному приказу комиссара полиции (§ 136 настоящего Постановления) и рассмотренным вместе (как и следовало сделать) с Правилами вступления военнослужащих в операцию, выданными военнослужащему F Министерством обороны (§ 16 настоящего Постановления), могут быть основанием для утверждения о том, что стандарт осторожности, вменяемый в обязанность военнослужащим, был неадекватным. Эти различия без сомнения можно отнести на счет различий в подготовке и требованиях тех, кому данные руководства были адресованы, принимая во внимание соответствующую предварительную подготовку данной категории лиц (необходимо отметить, что в соот-

ветствии с показаниями военнослужащего F военнослужащие САС посещают лекции о концепции правового государства и необходимости ограничить до минимума применение силы). Мы не понимаем, как можно увидеть в самих инструкциях для военнослужащих отсутствие надлежащей осторожности при использовании огнестрельного оружия.

С учетом изложенного мы считаем, что вывод о том, что со стороны властей имели место упущения в этом отношении, предопределившие отсутствие необходимой осторожности при контроле и организации задержания, является необоснованным.

25. Обвинение в нарушении государством своего обязательства охранять право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции является чрезвычайно серьезным. По причинам, указанным выше, анализ обстоятельств дела в §§ 203–213 настоящего Постановления, как нам кажется, не обосновы-

вает вывода о нарушении статьи 2 Конвенции. Мы склонны согласиться с мотивировкой и заключениями Европейской комиссии по правам человека, изложенными в ее всеобъемлющем, тщательном и исключительно реалистичном докладе. Подобно Европейской комиссии по правам человека, мы считаем, что не было просчетов со стороны властей при организации и проведении операции, позволяющих сделать вывод, что против подготавливаемых была применена сила, несоизмеримая с целью защиты невинных людей от противоправного насилия. Мы считаем, что применение силы, влекущей за собой лишение жизни, в настоящем деле, как бы ни было прискорбно ее применение, не превышало того, что при известных в то время обстоятельствах было «абсолютно необходимым» для этой цели и не было равносильно нарушению властями Соединенного Королевства своих обязательств по Конвенции.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Пердиган (Perdigão) против Португалии»¹

(Жалоба № 24768/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 16 ноября 2010 г.

По делу «Пердиган против Португалии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, Председателя Большой Палаты Суда,

Христоса Розакиса,

сэра Николаса Братцы,

Пэра Лоренсена,

Йосепа Касадеваля,

Иренеу Кабрал Баррету,

Карела Юнгвирта,

Элизабет Фура,

Альвины Гюлумян,

Сверре-Эрика Йебенса,

Яна Шикуты,

Инеты Зиемеле,

Марка Виллигера,

Джорджио Малинверни,

Георге Николау,

Здравки Калайджиевой,

Михая Поалелунжъ, судей,

а также при участии Йохана Каллеваерта, заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 17 марта и 6 октября 2010 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 24768/06), поданной против Португальской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» под редакцией Ю.Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 16 ноября 2010 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

и основных свобод двумя гражданами Португалии: Жоаном Жозе Пердиганом (*João José Perdigão*) и Марией Жозе Кейрога Пердиган (*Maria José Queiroga Perdigão*) (далее – заявители), – 19 июня 2006 г.

2. Интересы заявителей представляли адвокаты А.С. Миранда (*A.C. Miranda*) и Ж. Пердиган (*J. Perdigão*), практикующие в г. Лиссабоне. Интересы властей Португалии до 23 февраля 2010 г. представлял Уполномоченный Португалии при Европейском Суде, заместитель генерального атторнея Ж. Мигель (*J. Miguel*), а в дальнейшем М.Ф. Карвалью (*M.F. Carvalho*), также заместитель генерального атторнея.

3. Заявители жаловались, в частности, на нарушение их права собственности, поскольку присужденная им компенсация за экспроприацию их имущества оказалась полностью покрыта суммой, которую они должны были выплатить государству в качестве судебных издержек.

4. Жалоба была передана на рассмотрение Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 24 апреля 2008 г. Европейский Суд решил уведомить власти Португалии о поступлении жалобы. Он также решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости (пункт 3 статьи 29 Конвенции).

5. 4 августа 2009 г. Палата, образованная в рамках Второй Секции Суда, в следующем составе: Франсуазы Тюлькенс, Ирениу Кабрал Баррето, Владимиро Загребельского, Дануте Йочиене, Драголюб Поповича, Андраша Шайо и Ишиль Каракаш, судей, а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, заместителя Секретаря Секции Суда, – большинством голосов объявила жалобу на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в оставшейся части – неприемлемой. Палата Европейского Суда признала пятью голосами «за» при двух – «против», что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Судья В. Загребельский выразил особое мнение, к которому присоединился судья А. Шайо.

6. 10 декабря 2009 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда по ходатайству властей Португалии передала дело на пересмотр в Большую Палату на основании статьи 43 Конвенции.

7. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда. На заключительном слушании запасной судья Михай Поалелунжъ заменил судью Джованни Боннелло, который не имел возможности участвовать в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

8. 19 января 2010 г. Большая Палата Европейского Суда решила не проводить публичное слуша-

ние по делу, считая, что для исполнения ее функций в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции не требовалось проведение такого слушания (пункт 3 правила 59 Конвенции, *in fine*). Сторонам было предложено представить свои меморандумы по существу дела, что было сделано только властями Португалии.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявители родились в 1932 и 1933 годах соответственно и проживают в г. Лиссабоне.

A. ЭКСПРОПРИАЦИЯ

10. Заявители владели земельным участком площадью 128 619 кв. м в округе Эвора (*Évora*)¹. На основании распоряжения Министерства общественных работ, опубликованного в «Официальной газете» (*Official Gazette*) 11 сентября 1995 г., земельный участок был экспроприирован в пользу компании BRISA – Auto-Estradas S.A. (далее – компания BRISA), в то время государственной компании, для строительства автострады.

11. В связи с тем, что между заявителями и властями не было достигнуто соглашения, дело было передано в соответствии с применимым законодательством председателю Эворского апелляционного суда, который назначил арбитражный комитет для оценки земельного участка. Комитет оценил стоимость земельного участка в размере 177 987,17 евро².

12. 3 марта 1997 г. Эворский суд первой инстанции уведомил заявителей о решении арбитражного комитета.

13. 31 марта 1997 г. заявители подали жалобу на решение арбитражного комитета в Эворский суд первой инстанции. По их мнению, эксперты недооценили стоимость принадлежащего заявителям сельскохозяйственного участка, а также не включили в оценку карьер, расположенный на участке. Они утверждали, что потенциальная выгода от разработки карьера должна была быть принята во внимание при расчете суммы компенсации за изъятие участка. Заявители считали, что они имели право на получение 20 864 292,00 евро в качестве компенсации.

14. Компания BRISA также оспорила стоимость оценки участка арбитражным комитетом, сочтя ее завышенной. По ее мнению, стоимость участка не должна была превышать 72 643 евро. Жалоба компании BRISA изначально была отклонена Эворским судом первой инстанции как поданная по истечении установленного срока, но затем была принята им к рассмотрению после того, как Эворский апелляционный суд вынес постановление от 11 декабря 1997 г. об отмене первоначального решения.

15. 7 апреля 1997 г. секретариат Эворского суда первой инстанции подсчитал, что общая сумма судебных издержек, подлежащих выплате по делу заявителей, составляет 158 381 евро.

16. 24 апреля 1998 г. Эворский суд первой инстанции решил, что компенсация не подлежала выплате заявителям, поскольку судебные издержки могли быть выше, чем минимальная сумма, которая могла быть присуждена заявителям в качестве компенсации по жалобам, поданным сторонами. Компания BRISA подала ходатайство об установлении стоимости участка в размере 72 643 евро. Затем Эворский суд первой инстанции сформировал новый арбитражный комитет в составе трех экспертов, назначенных судом, и двух экспертов, выбранных сторонами (по одному от каждой стороны). 11 марта 1999 г. большинством голосов арбитражный комитет определил сумму компенсации в размере 191 116 евро. Член комитета, назначенный заявителем, высказал мнение, что эта сумма должна была составить 4 040 897,00 евро.

17. Распоряжением от 25 марта 1999 г. Эворский суд первой инстанции по собственной инициативе попросил составить новое экспертное заключение, в этот раз ограничившись вопросом об экономическом потенциале карьера, расположенного на земельном участке. Три геолога из Университета Эвора были назначены экспертами. Они представили свое заключение 9 февраля 2000 г., сделав вывод о том, что максимальная сумма, которую можно получить при разработке карьера, составляет около 9 704 113 евро.

18. Решением от 30 июня 2000 г. Эворский суд первой инстанции отклонил апелляционные жалобы, поданные обеими сторонами. Считая, что потенциальная прибыль от разработки карьера не должна приниматься во внимание, Эворский суд первой инстанции определил сумму компенсации в размере 197 236,25 евро.

19. 14 июля 2000 г. заявители подали жалобу в Эворский апелляционный суд.

20. В постановлении от 10 июля 2003 г. Эворский апелляционный суд оставил решение Эворского суда первой инстанции без изменения.

21. 11 ноября 2003 г. заявители подали жалобу в Верховный суд Португалии. В решении, датированном 30 сентября 2004 г., судья-докладчик Верховного суда Португалии объявил их жалобу неприемлемой для рассмотрения.

¹ Эвора (порт. *Évora*, [*ˈɛvɔɾɐ*]) – город на востоке Португалии, в 109 км на восток от г. Лиссабона, центр одноименного округа и муниципалитета, центр исторической провинции Алту-Алентежу (*примеч. переводчика*).

² Хотя некоторые суммы в рассматриваемое время были выражены в португальских эскудо (евро было введено 1 января 2002 г.), для удобства все суммы, упомянутые в настоящем Постановлении, указаны в евро.

22. 26 октября 2004 г. заявители подали конституционную жалобу, которая была признана неприемлемой 20 декабря 2004 г.

23. 26 января 2005 г. дело было передано в Эворский суд первой инстанции.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ

24. 4 февраля 2005 г. заявители получили уведомление от Эворского суда первой инстанции о сумме судебных расходов, подлежащей возмещению в рамках процедуры компенсации. Ожидалось, что они должны выплатить 489 188,42 евро.

25. 22 февраля 2005 г. заявители обжаловали начисленную сумму судебных расходов, сославшись, в частности, на то, что такой размер нарушал принцип справедливой компенсации и право на доступ к правосудию. По их мнению, сумма, подлежащая выплате, чтобы быть соразмерной, не должна была превышать 15 000 евро. Они также обратили внимание на различные неточности и ошибки в расчете судебных расходов. Заявители оспорили основание, по которому в Эворском суде первой инстанции рассчитывался судебный налог (по их мнению, следовало руководствоваться пунктом 2 статьи 18 Кодекса о судебных расходах), а также легитимность требования о выплате каких-либо сумм судебных расходов и издержек (*custas de parte*) компании BRISA, которая, будучи государственной компанией, была освобождена от оплаты судебных расходов.

26. 1 апреля 2005 г., руководствуясь информацией, предоставленной секретариатом, судья Эворского суда первой инстанции признал ошибки, указанные заявителями, и поручил устранить их. Сумма судебных расходов была сокращена до 309 052,71 евро, вследствие чего после выплаты компенсации заявителям они были должны государству еще 111 816,46 евро. Судья отклонил жалобу заявителей, касающуюся предполагаемых нарушений принципа справедливой компенсации и права доступа к правосудию.

27. Заявители обратились с жалобой в Эворский апелляционный суд, который 13 декабря 2005 г. вынес постановление об отклонении их жалобы, о чем им было сообщено 19 декабря 2005 г.

28. 12 мая 2006 г. заявители подали конституционную жалобу на данное постановление, утверждая, что толкование соответствующих положений Кодекса судебных расходов, особенно пункта 2 его статьи 66, противоречило принципу справедливой компенсации и праву на доступ к правосудию, гарантированным Конституцией. Заявители считали, что судебные расходы ни в коем случае не должны быть выше суммы, присужденной в качестве компенсации за экспроприацию.

29. 28 марта 2007 г. Конституционный суд Португалии отклонил их жалобу. Отметив, что он может рассматривать лишь вопрос о конституци-

онности пункта 2 статьи 66 Кодекса судебных расходов, единственной нормы, которая была применена судами, Конституционный суд Португалии постановил, что эта норма не противоречила статье 20 (право на доступ к правосудию) и пункту 2 статьи 62 (право на справедливую компенсацию) Конституции Португалии. Что касается права на доступ к правосудию, Конституционный суд Португалии указал, что, хотя в некоторых случаях чрезмерно высокие судебные расходы могут быть препятствием для доступа к правосудию, в данном случае этого не произошло, поскольку заявители должны были выплатить лишь 15 000 евро, достаточно разумную сумму. В отношении справедливой компенсации Конституционный суд Португалии признал, что компенсация вреда, причиненного в результате экспроприации, не была связана с вопросом о судебных расходах, следовательно, отсутствовали основания для утверждения о том, что судебные расходы не должны превышать сумму присужденной компенсации.

30. 20 апреля 2007 г. заявители подали ходатайство об исправлении данного постановления, сославшись на фактическую ошибку, допущенную Конституционным судом Португалии, который указал, что заявители должны выплатить 15 000 евро в качестве судебных расходов, хотя фактически они должны были выплатить 111 816,46 евро.

31. 25 сентября 2007 г. Конституционный суд Португалии признал свою ошибку и необходимость внесения исправлений в свое постановление в отношении статьи 20 Конституции. Он согласился с тем, что 111 816,46 евро были достаточно большой суммой, которая затрагивала право на доступ к правосудию. Соответственно, Конституционный суд Португалии признал пункт 2 статьи 66 Кодекса судебных расходов в толковании нижестоящих судов противоречащим статье 20 Конституции Португалии. Однако в отношении пункта 2 статьи 62 Конституции Конституционный суд Португалии оставил свое ранее вынесенное постановление без изменений.

32. 6 ноября 2007 г. заявители, желая узнать точную сумму, которую они должны были выплатить в качестве судебных расходов, подали ходатайство о разъяснении постановления Конституционного суда Португалии от 25 сентября 2007 г.

33. 13 ноября 2007 г. Конституционный суд Португалии отклонил данное ходатайство, отметив, что определение суммы, подлежащей выплате, относится к полномочию нижестоящего суда.

34. В предписании от 4 января 2008 г. Эворский суд первой инстанции, в который было возвращено дело, без объяснения своих мотивов решил, что судебные расходы не должны превышать сумму присужденной компенсации более чем на 15 000 евро.

35. 20 февраля 2008 г. заявители выплатили сумму задолженности в размере 15 000 евро.

С. ЖАЛОБА № 12849/05 В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

36. 7 апреля 2005 г. заявители подали жалобу № 12849/05 в Европейский Суд, утверждая, что им не была выплачена какая-либо компенсация за экспроприацию карьера. Их жалоба была отклонена Комитетом Европейского Суда 30 августа 2005 г. как поданная с нарушением установленных сроков для ее подачи.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОРТУГАЛИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. КОНСТИТУЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

37. Статья 20 Конституции Португалии гарантирует право на доступ к правосудию, а статья 62 – право собственности и право на справедливую компенсацию в случае экспроприации имущества.

В. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС ПОРТУГАЛИИ

38. Общее правило, регулирующее судебные расходы, содержится в статье 446 Гражданского процессуального кодекса и устанавливает, что обычно проигравшая сторона оплачивает судебные расходы.

С. КОДЕКС ОБ ЭКСПРОПРИАЦИИ

39. В то время, когда осуществлялась экспроприация имущества заявителей, действовал Кодекс об экспроприации, введенный Законодательным декретом № 438/91 от 9 ноября 1991 г.

40. Процедура экспроприации в данный период проводилась следующим образом: если между органом власти, осуществлявшим экспроприацию, и лицом, имущество которого экспроприировалось, не было достигнуто соглашения, председатель апелляционного суда, к юрисдикции которого относилась территория, на которой было расположено экспроприруемое имущество, назначал арбитражный комитет для оценки стоимости имущества. Собственник имел право обжаловать решение арбитражного комитета в суде первой инстанции, и в случае необходимости оценка проводилась заново. Решение суда первой инстанции могло быть обжаловано в апелляционный суд, решение которого было окончательным (законодательный прецедент (*assento*) Верховного суда Португалии от 30 мая 1995 г., обязательный для всех судов и опубликованный в «Официальной газете» 15 мая 1997 г.).

D. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ

41. В Португалии судебные расходы приравнены к налогам. Верховный суд Португалии разъяснил, что обязанность участников процесса по выплате судебных расходов представляет собой точно такую же обязанность, как обязательство налогоплательщиков по уплате налогов. Следовательно, государство как «активный субъект» фискальных правоотношений имеет право на сбор судебных расходов, взамен оно должно предоставлять гражданам («пассивным субъектам») доступ к судебной помощи (Постановление Верховного суда Португалии от 5 февраля 2004 г., дело № 03В3809).

42. В период, относившийся к обстоятельствам дела, вопросы, касавшиеся судебных расходов, регулировались Кодексом судебных расходов, как это было предусмотрено Законодательным декретом от 26 ноября 1996 г. № 224-А/96 в редакции, действовавшей до внесения в него изменений Законодательным декретом от 27 декабря 2003 г. № 324/2003.

43. Соответствующие положения этого Кодекса судебных расходов гласили, в частности, следующее:

«Статья 1. Понятие судебных расходов

1. Судебные расходы включают в себя судебный налог (*taxa de justiça*) и другие сборы (*encargos*).
2. Если иное не установлено законом, в любом процессе подлежат оплате судебные расходы.

Статья 2. Случаи освобождения от оплаты судебных расходов

1. Если иное не установлено специальными нормами законодательства, следующие лица освобождаются от оплаты судебных расходов:

а) государство, все государственные службы и органы, даже если они имеют статус юридического лица...

Статья 6. Специальные правила

1. В случаях, упомянутых ниже, для целей исчисления судебных расходов должны учитываться следующие суммы спора:

...s) по жалобам, касающимся экспроприации, в виде разницы между компенсацией за экспроприацию, установленной арбитражным комитетом, и суммой, потребованной [стороной, имущество которой экспроприруется]...

Статья 13. Ставки исчисления судебного налога

1. Не ограничивая последующие положения, процессуальные расходы должны облагаться налогом по ставкам, указанным в таблице ниже, и рассчитываться исходя из суммы исковых требований, ходатайств и жалоб...

Стоимость до... евро	Судебный налог (евро)
149,64	29,93
299,28	39,90

Стоимость до... евро	Судебный налог (евро)
498,80	49,88
784,20	59,86
997,60	69,83
1 246,99	79,81
1 496,39	89,78
1 745,79	99,76
1 995,19	109,74
2 244,59	119,71
2 493,99	129,69
2 743,39	139,66
2 992,79	149,64
3 242,19	159,62
3 491,59	169,59
3 740,98	179,57
3 990,38	189,54
4 239,78	199,52
4 489,18	209,50
4 738,58	219,47
4 987,98	229,45
5 985,57	239,42
6 983,17	249,40
7 980,77	259,37
8 978,36	269,35
9 975,96	279,33
11472,35	299,28
12 968,75	319,23
14 465,14	339,18
15 961,53	359,13
17 457,93	379,09
18 954,32	399,04
20 450,71	418,99
21 947,11	438,14
23 443,50	458,89
24 939,89	478,85
27 433,88	498,80
29 927,87	518,75
32 421,86	538,70
34 915,85	558,5
37 409,84	578,61
39 903,83	598,56
42 397,82	618,51
44 891,81	638,46
47 385,80	658,41
49 879,79	678,37
Более 49 879,79	49,88 за каждые 4 987,98 евро

Статья 18. Судебный налог в апелляционных судах

...2. Во всех видах жалоб на решения, вынесенные по иску или ходатайству... судебный налог принимается равным половине суммы, приведенной во втором столбце таблицы [содержащейся в статье 13]...

Статья 29. Освобождение от выплаты аванса и последующих платежей

...2. Аванс не выплачивается в процессе, касающемся экспроприации...

Статья 66. Выплата судебных расходов из сумм, подлежащих выплате соответствующей стороне по предписанию суда

1. Сторона, которой направлено предписание об оплате судебных расходов, если ей присуждена денежная сумма по решению суда, может подать в срок, установленный для добровольного исполнения обязанности по оплате, ходатайство о том, чтобы судебные расходы, подлежащие оплате, были вычтены из присужденной суммы.

2. Судебные расходы, которые должна выплатить сторона, имущество которой экспроприируется, вычитаются из суммы присужденной компенсации».

44. Расходы и издержки (*custas de parte*) представляют собой суммы, подлежащие выплате стороне, выигравшей спор, по окончании процесса. В соответствии со статьей 33 Кодекса судебных расходов в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, расходы и издержки включали в себя суммы, которые сторона, выигравшая спор, была обязана потратить в связи с процессом.

Е. НОВЫЙ КОДЕКС СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ

45. 24 февраля 2008 г. был принят новый Кодекс судебных расходов (Законодательный декрет № 34/2008). В пояснительной записке к нему указывалось следующее:

«В соответствии с новой шкалой судебный налог более не исчисляется лишь на основании суммы требований. Установлено, что сумма спора не является решающим фактором при оценке сложности процесса или расходов, которые несет правовая система. Поиск лучшей методики расчета судебного налога привел к созданию смешанной системы, основанной на сумме спора лишь до определенного предела, с возможностью исправить эту сумму в случае, когда процесс сложен, независимо от экономических интересов, являющихся предметом спора».

46. Таким образом, в новой системе установлена верхняя граница суммы, которая может быть взыскана в качестве судебных расходов. В настоящее время по делам, рассматриваемым в судах первой инстанции, данная сумма составляет 60 расчетных единиц¹ для обычного производства и 90 – для особо сложного процесса. Для апелляционного производства установлена ставка 20 расчетных единиц. Ходатайства, поданные во время рассмотрения дела, по-прежнему облагаются по ставке до 20 расчетных единиц в зависимости от вида ходатайства (см. таблицы, приложенные к Законодательному декрету № 34/2008, и статьи 6–8, 11–13 и 17 данного декрета).

¹ Расчетная единица, используемая для исчисления судебных расходов, установлена в размере 102 евро на 2010 год (пункт 2 статьи 5 нового Кодекса судебных расходов и приказ министров финансов и труда и социальной солидарности от 31 декабря 2009 г. № 1458/2009).

III. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

47. Европейский Суд провел сравнительно-правовое исследование по вопросу оплаты судебных расходов в ряде государств – членов Совета Европы.

48. По результатам исследования было установлено, что в целом взимаемые судебные расходы отличаются в зависимости от суммы требования (за исключением некоторых стран, где расходы не зависят от суммы спора). Судебные расходы могут представлять собой процент от суммы, фиксированную сумму либо совокупность этих двух видов. Во многих государствах, где взимаемые расходы связаны с суммой требований, предусмотрена верхняя граница для определения размера судебных расходов, а в некоторых государствах такой границы нет.

49. Как правило, проигравшая сторона должна оплатить судебные расходы другой стороны. Когда требование удовлетворено лишь частично, большинство государств, охваченных исследованием, оставляют на усмотрение судов решение вопроса о том, кто оплачивает какие расходы. В некоторых странах к производству по делам об экспроприации применяются специальные положения. В одном из таких государств, например, когда расходы рассчитываются как процент от предложенной компенсации, правило состоит в том, что собственник экспроприруемого имущества должен всё же получить полную сумму, иными словами, все расходы, понесенные этой стороной, должны быть компенсированы, поскольку он обычно имеет право на возмещение вреда в полном объеме.

50. Во многих странах не предусмотрены гарантии того, что с жалующегося лица не будут взысканы судебные расходы и издержки в размере, превышающем сумму, которая может быть присуждена по его требованиям, особенно если удовлетворена лишь их небольшая часть. Подобного риска не существует в государствах, в которых судебные расходы рассчитываются лишь по окончании производства и основаны на сумме, которая была реально присуждена судом.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

51. Заявители жаловались на то, что компенсация за экспроприацию их имущества, которая была им присуждена, в итоге была полностью поглощена суммой, которую они должны были выплатить государству в качестве возмещения судебных расходов. Они считали это нарушением статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

52. В своем Постановлении Палата Европейского Суда отметила, что отсутствие компенсации, обжалованное заявителями, было вызвано применением норм, регулирующих порядок оплаты судебных расходов, которые являлись «сборами» по смыслу второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, а также что данная норма касалась конкретных примеров вмешательства в право на беспрепятственное пользование имуществом. Однако в настоящем деле Палата Европейского Суда сочла более уместным рассмотреть оспариваемую ситуацию в свете правила, изложенного в первом предложении абзаца 1 статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая является общим правилом, гарантирующим право на беспрепятственное использование собственности. Палата Европейского Суда отметила, что заявители не оспаривали ни правомерность экспроприации как таковую, ни примененные к ним правила, регулирующие судебные расходы. Также ничто в настоящем деле не указывало на то, что оспариваемое вмешательство вообще было произвольным, а у заявителей имелась возможность, *inter alia*, выдвинуть свои доводы в национальных судах. В отличие от властей Португалии, Палата Европейского Суда решила, что заявителей нельзя было винить в том, что они попытались процессуальными средствами, имевшимися в их распоряжении, убедить суд включить в сумму компенсации элементы, которые они считали существенными. Палата Европейского Суда полагала, что ее ролью не является изучение в целом существующей в Португалии методики исчисления и определения судебных расходов, но отметила, что в настоящем деле конкретное применение данного метода привело к полному отсутствию компенсации за экспроприацию имущества заявителей. Палата Европейского Суда признала, что при данных обстоятельствах условия компенсации или, точнее, отсутствие компенсации возложили на заявителей чрезмерное бремя, нарушив справедливый баланс, который должен быть установлен между интересами общества и фундаментальными правами индивида.

В. ДОВОДЫ ВЛАСТЕЙ ПОРТУГАЛИИ В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

53. По сути жалобы власти Португалии подчеркнули, что Европейский Суд не должен рассматривать сам факт экспроприации как таковой. Заявители подавали в этом отношении жалобу, но Европейский Суд отклонил ее как поданную по истечении установленных сроков. Единственным вопросом, рассматриваемым в настоящем деле, было соответствие статье 1 Протокола № 1 к Конвенции суммы, которую должны были выплатить заявители в качестве возмещения судебных расходов.

54. Далее, рассматривая методику исчисления судебных расходов, применяющуюся в Португалии в рассматриваемое время, а также методику, действующую с 2008 года, власти Португалии подчеркнули, что Конвенция не требует оказания судебной помощи безвозмездно. Вместе с тем Конвенция предусматривает, что государства должны осуществлять свои пределы усмотрения при принятии законодательства, обеспечивающего уплату «налогов» и иных «сборов» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, и что в соответствии с устоявшейся практикой Европейской комиссии по правам человека судебные расходы были лишь таким «сбором» (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Агис Антониадес против Соединенного Королевства» (*Agis Antoniadis v. United Kingdom*) от 15 февраля 1990 г., жалоба № 15434/89, *Decisions and Reports (DR)* 64, р. 237).

55. Власти Португалии подвергли критике Постановление Палаты Европейского Суда, считая методологически неуместным и юридически неправильным смешение компенсации за экспроприацию и судебных расходов. Ссылаясь на особое мнение, прилагаемое к Постановлению Европейского Суда (см. выше § 5), власти Португалии считали, что в выводах Палаты Европейского Суда были смешаны две различные по правовой природе вещи: «кредит и долг, две совершенно разные вещи». Власти Португалии привели в качестве примера ситуацию, когда кредитор предъявил требование о взыскании определенной суммы, а должник подал встречное требование о взыскании суммы большей, чем требовал кредитор. Если бы суд удовлетворил встречный иск, кредитор ничего бы не получил и, более того, должен был бы оплатить расходы без какого-либо вмешательства, как утверждали власти Португалии, в беспрепятственном использовании собственности.

56. С точки зрения властей Португалии, предполагаемое нарушение прав заявителей было связано лишь с судебными расходами, которые они должны были оплатить. Однако эти расходы были зафиксированы на основании применимых положений Гражданского процессуального кодекса и Кодекса судебных расходов, с одной стороны, и в соответствии с принципом соразмерности, с другой.

Общая сумма, выплаченная заявителями, составляя 1,02% от суммы, которую они требовали, была начислена, по утверждениям властей Португалии, с учетом значительной процессуальной активности, которую они проявляли, а также суммой их требований, которая была явно нереальной.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Применимость статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

57. Европейский Суд повторяет, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции включает в себя три отдельных правила: первое, изложенное в первом предложении первого абзаца, имеет общий характер и представляет собой принцип беспрепятственного пользования имуществом; второе правило, предусмотренное во втором предложении того же абзаца, относится к случаям лишения имущества и ставит его в зависимость от выполнения некоторых условий; третье правило, содержащееся во втором абзаце, признает право Договаривающихся Государств, помимо прочего, контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами. Однако эти правила не являются отдельными в смысле отсутствия «связи друг с другом». Второе и третье правила, касающиеся особых случаев вмешательства в право на беспрепятственное пользование имуществом, должны толковаться в свете общего принципа, закрепленного в первом правиле (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (*James and Others v. United Kingdom*) от 21 февраля 1986 г. *Series A*, № 98, р. 29–30, § 37, в котором частично повторяются принципы, изложенные Европейским Судом в Постановлении Большой Палаты по делу «Спорронг и Лённрот против Швеции» (*Sporrong and Lönnroth v. Sweden*) от 23 сентября 1982 г., *Series A*, № 52, р. 24, § 61, и в Постановлении Большой Палаты по делу «Депалль против Франции» (*Depalle v. France*) от 29 марта 2010 г., жалоба № 34044/02, § 77).

58. Стороны в настоящем деле не оспаривали, что имевшаяся ситуация попадает под действие данной нормы. Тем не менее власти Португалии не согласились с выводом Палаты Европейского Суда о том, что жалоба заявителей должна рассматриваться с учетом общего правила, изложенного в первом предложении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Подчеркивая, что экспроприация как таковая не являлась предметом спора, они отметили, что единственным вопросом, который следовало рассмотреть, был тот, являлась ли сумма, которую заявители должны были выплатить в качестве возмещения судебных расходов, соответствующей статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

59. Хотя верно, что Европейскому Суду не было необходимости рассматривать экспроприацию как таковую (см. выше §§ 36 и 53), но факт остается фактом: вследствие того, что заявители были лишены своей собственности государством, и возник настоящий спор о судебных издержках, легший в основу настоящей жалобы. Это оказало определенное влияние на то, каким образом следовало анализировать предполагаемое вмешательство в осуществление своего права заявителями: прецедентная практика Европейского Суда требует, чтобы в случае лишения собственности в интересах государства, собственники получили компенсацию, разумно соотносящуюся со стоимостью экспроприруемого имущества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папахелас против Греции» (*Parachelas v. Greece*), жалоба № 31423/96, § 48, *ECHR* 1999-II). Европейский Суд повторяет в связи с этим, что, когда он рассматривает вопрос о том, имело ли место нарушение права на беспрепятственное пользование имуществом, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, он должен смотреть за пределы внешних проявлений и исследовать реалии оспариваемой ситуации, так как Конвенция должна гарантировать права, которые являются «практическими и эффективными» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Депаль против Франции» (*Depalle v. France*), § 78).

60. Таким образом, никто не отрицает, что жалоба заявителей касалась способа применения в их случае правил о возмещении судебных расходов. Власти Португалии подчеркнули, что второй пункт статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции признает за государствами при осуществлении своих пределов усмотрения право принимать законы, обеспечивающие уплату «налогов» и других «сборов». Они сослались на устоявшуюся практику Европейской комиссии по правам человека, согласно которой расходы, возмещаемые в рамках судебного производства, являются «сборами» по смыслу данной нормы (см. упомянутое выше Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Агис Антониадес против Соединенного Королевства» (*Agis Antoniadis v. United Kingdom*), Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Айрес против Португалии» (*Aires v. Portugal*) от 25 мая 1995 г., жалоба № 21775/93, DR81, р. 48, и процитированное в Постановлении Палаты Европейского Суда в настоящем деле, Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Х. и Y. против Австрии» (*X. and Y. v. Austria*) от 12 декабря 1978 г., жалоба № 7909/74, DR15, р. 160, и Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Х. против F.R.G.» (*X. v. F.R.G.*¹) от 12 июля 1978 г., жалоба № 7544/76, DR14, р. 60).

¹ Так в тексте. В оригинале данного Решения оно называется «против Федеральной Республики Германия» (*Federal Republic of Germany*), в текущей базе данных Европейского Суда

61. Как и Палата Европейского Суда, Большая Палата считает необходимым подтвердить решения Европейской комиссии по правам человека о том, что судебные расходы следует рассматривать как «сборы» по смыслу второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Действительно, взыскание с участников процесса судебных расходов преследует различные цели, в том числе финансирования судебной системы и повышения государственных доходов. И хотя сбором этих налогов в Португалии занимаются не налоговые органы, обязанность по их выплате имеет, очевидно, фискальный характер (см. выше § 41). По информации, имеющейся в распоряжении Европейского Суда, такая же ситуация сложилась и в других государствах – членах Совета Европы. Следовательно, обязанности по оплате судебных расходов и соответствующие правила охватываются вторым абзацем статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку эти расходы являются «сборами» по смыслу данной нормы. При обстоятельствах настоящего дела эта ситуация поднимает вопрос о том, можно ли и в какой мере рассматривать предписание об оплате судебных расходов как вмешательство в право заявителей на беспрепятственное использование собственности (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Айрес против Португалии» (*Aires v. Portugal*)), учитывая, что сумма, которую должны были выплатить заявители в качестве возмещения судебных расходов, полностью поглотила сумму компенсации, присужденной за экспроприацию их «имущества» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

62. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что жалоба заявителей подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, взятой в целом, особенно в связи с тем, что ситуации, предусмотренные во втором предложении первого абзаца и во втором абзаце, являются лишь отдельными примерами вмешательства в право на беспрепятственное использование собственности, гарантированное общим правилом, изложенным в первом предложении указанной статьи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (*Beyeler v. Italy*), жалоба № 33202/96, § 106, *ECHR* 2000-I). Однако данный подход, необходимый в силу обстоятельств дела, не отменяет того факта, что судебные расходы являются «сборами» по смыслу второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. выше § 61).

2. Соблюдение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

63. Европейский Суд повторяет, что для соответствия статье 1 Протокола № 1 к Конвенции любое

HUDOC значит как Решение, вынесенное против «Германии» (*Germany*) (*примеч. редактора*).

вмешательство в беспрепятственное использование собственности не должно быть неправомерным и произвольным (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» (*Iatridis v. Greece*), жалоба № 31107/96, § 58, *ECCHR* 1999-II). Кроме того, должен быть установлен «справедливый баланс» между интересами общества и требованиями защиты фундаментальных прав индивида (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Спорронг и Лённрот против Швеции» (*Sporrong and Lönnroth v. Sweden*), § 69).

64. Этот «справедливый баланс» должен существовать даже тогда, когда государства осуществляют свое право на «принятие таких законов, которые они признают необходимыми... для обеспечения уплаты налогов или других сборов». Действительно, в связи с тем, что второй пункт статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции должен толковаться в свете общего принципа, изложенного в первом предложении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, также должны существовать разумная связь и соразмерность между использованными средствами и преследуемой целью. Иными словами, Европейский Суд должен определить, был ли установлен справедливый баланс между интересами общества и заинтересованных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гасус Досир-унд Фёрдertechnik ГмбХ против Нидерландов» (*Gasus Dosier- und Fördertechnik GmbH v. Netherlands*) от 23 февраля 1995 г., § 60, Series A, № 306-B, а также Постановление Европейского Суда по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (*AGOSI v. United Kingdom*) от 24 октября 1986 г., § 52, Series A, № 108).

(a) *Требование правомерности*

65. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что заявители не оспаривали не правомерность экспроприации как таковую, ни законность правил, регулирующих судебные расходы, которые были к ним применены. Кроме того, Палата не установила каких-либо признаков произвола, поскольку заявители имели возможность, *inter alia*, представить свои доводы внутригосударственным судам.

66. Даже не зная причины, по которым Эворский суд первой инстанции 4 января 2008 г. зафиксировал размер судебных расходов на 15 000 евро выше, чем присужденная компенсация за экспроприацию, Европейский Суд считает, что отсутствовала необходимость в дальнейшем рассмотрении данного вопроса, учитывая, *inter alia*, соображения, изложенные ниже по вопросу о «справедливом балансе».

(b) *Справедливый баланс*

67. Европейский Суд повторяет, что поиск баланса приведен в структуре статьи 1 Прото-

кола № 1 к Конвенции в целом, независимо от того, какие пункты берутся в каждом случае. Всегда должны существовать разумная связь и соразмерность между использованными средствами и преследуемой целью. При определении того, было ли соблюдено данное требование, Европейский Суд признает, что государство пользуется широкими пределами усмотрения в отношении выбора средств принудительного исполнения и установления того, оправданы ли последствия принятия таких мер общими интересами в достижении цели рассматриваемого вмешательства. Требуемый баланс не будет достигнут, если заинтересованное лицо вынуждено индивидуально нести чрезмерное бремя (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Депалль против Франции» (*Depalle v. France*), § 83).

68. Установление того, существовал ли такой баланс, требует рассмотрения различных интересов в целом. Европейский Суд считает, что следует учитывать два важных фактора. Во-первых, как он уже подчеркнул, оспариваемая ситуация возникла из-за того, что заявители были лишены своей собственности. В подобных случаях «справедливый баланс» требует выплаты суммы, разумно соотносящейся со стоимостью имущества, иначе будет иметь место чрезмерное вмешательство в права человека. Далее Европейский Суд отмечает, что Конвенция предназначена для гарантирования «практических и эффективных» прав, а не теоретических и иллюзорных (см. выше § 59). Европейский Суд должен также изучить поведение сторон спора, в том числе средства, использованные государством, и их применение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (*Beyeler v. Italy*), § 114).

69. В настоящем деле заявителям были присуждены 197 236,25 евро в качестве компенсации за изъятие их собственности. Однако когда была определена сумма, которую они должны были оплатить в качестве возмещения судебных расходов, они фактически не могли уже получить какой-либо суммы. Более того, они должны были заплатить государству дополнительно 15 000 евро даже после существенного уменьшения изначальной суммы судебных расходов.

70. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в ее задачи не входит абстрактное рассмотрение методики исчисления и установления размера судебных расходов, применяемых в Португалии. Как подчеркнула Палата, государства должны иметь возможность принимать меры, которые они считают необходимыми для защиты сбалансированного финансирования судебной системы в интересах общества. В данных случаях государства пользуются широкой свободой усмотрения.

71. В связи с этим Европейский Суд должен рассмотреть, каким образом применялся данный метод в конкретном деле, находящемся на его рассмотрении. Очевидно, что цели статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не были достигнуты в настоящем деле: заявители не только были лишены своего земельного участка, но и вдобавок вынуждены были заплатить государству 15 000 евро.

72. Власти Португалии подчеркнули, что обязанность государства по выплате компенсации за экспроприацию имущества и обязанность заявителей по оплате судебных расходов представляли собой два разных правоотношения. Судебные расходы не имели ничего общего с экспроприацией, и в качестве таковых они не влияли на вопрос о соблюдении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд признает, что правовые цели каждого из вышеуказанных обязательств отличаются. Действительно, он принимает во внимание это различие при отнесении судебных расходов к «сборам» по смыслу второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. выше § 61). Однако Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле заявители были стороной процесса против государства, касающегося установления размера компенсации за изъятие земельного участка, осуществленное государством при реализации им своих публично-правовых функций. Европейский Суд считает, что при рассмотрении вопроса о соразмерности настоящее дело следует отличать от дел, в которых судебные расходы взыскивались по частноправовым спорам. При конкретных обстоятельствах данного дела может показаться парадоксальным тот факт, что государство одной рукой (судебными расходами) забирает больше, чем отдает другой. В подобной ситуации различие в правовой природе между обязанностью государства по выплате компенсации за экспроприацию и обязанностью участников процесса по оплате судебных расходов не является препятствием для общей оценки правомерности оспариваемого вмешательства.

73. Что касается соразмерности вмешательства, власти Португалии также описали поведение заявителей в процессе как легкомысленное, утверждая, что сумма, которую должны были выплатить заявители, была следствием явно нереальной суммы их требования, а также результатом значительной процессуальной активности, которую они проявляли.

74. Европейский Суд отмечает, что заявители действительно требовали сумму, существенно превышавшую суммы, указанные в заключениях различных экспертов в ходе процесса. Учитывая соответствующее законодательство Португалии, которое было известно заявителям, требование выплаты столь большой суммы влияло на окончательную сумму судебных расходов. Однако Европейский Суд подчеркивает, что речь шла о том, *inter alia*, следует ли принимать во внимание потенциальные эконо-

мические выгоды от разработки карьера, расположенного на земельном участке заявителей, при определении размера компенсации за экспроприацию. Когда заявители представили данный вопрос на рассмотрение внутригосударственных судов, он был тщательно изучен, и Эворский суд первой инстанции по собственной инициативе назначил третью экспертизу после того, как уже были представлены заключения, требуемые законодательству. В то время как поведение заявителей действительно способствовало большим судебным расходам, оно не могло явиться достаточным оправданием для столь высоких расходов, приведших к тому, чтобы отсутствовала какая-либо компенсация вообще, тем более по делу об экспроприации собственности.

75. Что касается поведения заявителей, подвергнутого критике со стороны властей Португалии, Европейский Суд отмечает, что производство по рассматриваемому делу характеризовалось большим количеством жалоб и ходатайств. Однако Европейский Суд подчеркивает, что не все процессуальные действия были инициированы заявителями, а также что их инициативы касались главным образом определения размера судебных расходов. Вопрос о фактическом лишении собственности был разрешен Эворским судом первой инстанции и апелляционным судом, несмотря на то, что Верховный и Конституционный суды Португалии вынесли решения о неприемлемости в отношении жалоб, поданных заявителями. Последующие решения Эворского суда первой инстанции и апелляционного суда, а также в трех случаях Конституционным судом Португалии были обусловлены тем, что заявители оспаривали размер судебных расходов, которые были назначены национальными судами.

76. Соответственно, Европейский Суд признает, что ни поведение заявителей, ни их процессуальная активность не могут служить оправданием для столь высоких судебных расходов, учитывая размер присужденной им компенсации за экспроприацию их имущества.

77. Наконец, Европейский Суд обращает внимание на принятие 24 февраля 2008 г. нового Кодекса судебных расходов, который установил верхний предел сумм, которые могут быть взысканы в качестве судебных расходов. Если новые правила были бы применены к настоящему времени, то сумма судебных расходов была бы значительно ниже (см. выше §§ 45 и 46). Новые правила, таким образом, с меньшей вероятностью привели бы к возникновению ситуации, аналогичной рассматриваемой в настоящем деле.

78. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что на заявителей было возложено чрезмерное бремя, нарушившее справедливый баланс, который должен был быть установлен между интересами общества и фундаментальными правами индивида.

79. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

80. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

1. Постановление Палаты Европейского Суда

81. При установлении размера компенсации причиненного материального ущерба Палата Европейского Суда приняла во внимание судебные расходы, которые вынуждены были оплатить заявители. Соответственно, она сочла справедливым присудить им 190 000 евро в качестве компенсации материального ущерба.

2. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

82. В Большой Палате Европейского Суда заявители требовали выплатить им 197 236,25 евро в качестве возмещения материального ущерба, соответствующие компенсации, присужденной судами Португалии за экспроприацию их земельного участка. Они также требовали выплаты 100 евро в качестве компенсации морального вреда.

83. Власти Португалии считали сумму, которую требовали заявители в качестве возмещения материального ущерба, не имеющей отношения к предмету жалобы, утверждая, что присуждение этой суммы лишит национальную судебную систему оплаты за значительную процессуальную деятельность, которую инициировали заявители. Что касается требования о компенсации морального вреда, власти Португалии оставили данный вопрос на усмотрение Большой Палаты Европейского Суда.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

84. В связи с тем, что заявители не представили дополнительных требований, Большая Палата Европейского Суда рассмотрит их требования, представленные в Палате.

85. В этой связи Европейский Суд повторяет, что постановление, в котором он установил нарушение, налагает на власти государства-ответчика правовую обязанность по устранению нарушения и возмещению его последствий таким образом,

чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридидис против Греции» (*Iatrididis v. Greece*) (справедливая компенсация), жалоба № 31107/96, § 32, *ECtHR* 2000-XI). Если законодательство государства – участника Конвенции не допускает или допускает лишь частично возмещение последствий нарушения, статья 41 Конвенции уполномочивает Европейский Суд присуждать потерпевшей стороне компенсацию, которую он считает надлежащей. Европейский Суд пользуется определенными пределами при осуществлении своих полномочий, что подтверждают прилагательное «справедливый» и выражение «в случае необходимости». Среди вопросов, которые принимает во внимание Европейский Суд при оценке компенсации, был материальный ущерб, а именно убытки, действительно понесенные в результате предполагаемого нарушения, и моральный вред в виде компенсации за беспокойство, неудобства и чувство неопределенности, причиненные допущенным нарушением. Кроме того, если один или более видов вреда не могут быть рассчитаны точно либо если провести различие между материальным ущербом и моральным вредом оказывается сложно, Европейский Суд может прийти к выводу о необходимости провести глобальную оценку (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Комингерсолл С.А.” против Португалии» (*Comingersoll S.A. v. Portugal*), жалоба № 35382/97, § 29, *ECtHR* 2000-IV).

86. По мнению Европейского Суда, ситуация в настоящем деле требует оценки на основании принципа справедливости, предусмотренного статьей 41 Конвенции. При проведении оценки Европейский Суд, приняв во внимание тот факт, что заявители должны были оплатить судебные расходы и в действительности уже выплатили 15 000 евро по данному основанию, считает разумным присудить им 190 000 евро в качестве компенсации морального вреда и материального ущерба.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

87. В связи с тем, что заявители не представили требований о компенсации судебных расходов и издержек, Европейский Суд не присуждает им каких-либо сумм по данному основанию.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

88. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

2) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в силу выплатить заявителям в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда 190 000 (сто девяносто тысяч) евро плюс любые налоги, которые могут быть начислены на данную сумму;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

3) отклонила единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 28 февраля 2008 г.

Йохан КАЛЛЕВАЕРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты
Европейского Суда

Жан-Поль КОСТА
Председатель
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(а) совместное совпадающее мнение судей Инеты Зиемеле и Марка Виллигера;

(б) совместное особое мнение судей Пэра Лоренсена, Йосепа Касадевалы и Элизабет Фура.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ И МАРКА ВИЛЛИГЕРА

1. Мы проголосовали так же, как и большинство судей по настоящему делу, признав, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, держа в уме, что, с одной стороны, государства пользуются широкими пределами усмотрения при определении своей системы взыскания судебных расходов, а с другой стороны, что данное дело имеет исключительный характер.

2. Действительно, как ясно сказано в настоящем Постановлении, Европейская комиссия по

правам человека объяснила в своем Решении по делу «Айрес против Португалии» (Aires v. Portugal) от 25 мая 1995 г., жалоба № 21775/93, *Decisions and Reports* № 81, р. 48, что расходы на судебное производство признаются «сборами» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, и может возникнуть вопрос о том, «можно ли и в какой мере рассматривать предписание об оплате судебных расходов как вмешательство в право заявителей на беспрепятственное использование собственности» (§§ 60–61). Принимая во внимание, что второй абзац статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции нельзя применять отдельно от всей статьи, а также учитывая, в частности, общий принцип, изложенный в первом предложении этой статьи, то есть принцип беспрепятственного пользования имуществом, на вопрос о том, был ли размер судебных расходов, определенный в настоящем деле, несоразмерен, можно ответить только с учетом всех обстоятельств дела. Для нас решающее значение имеет то обстоятельство, что спор относительно суммы, взысканной в качестве судебных расходов, возник в контексте процедуры экспроприации имущества государством у заявителей, когда государство не только экспроприировало имущество, но и в итоге не выплатило заявителям никакой компенсации, поскольку полная сумма, присужденная в качестве компенсации, плюс 15 000 евро, была направлена заявителями на возмещение судебных расходов. Это не означает, что с этого момента государства не могут устанавливать системы, в которых судебные расходы будут превышать размер суммы требования. Мы не думаем, что настоящее Постановление касается данного вопроса. Однако в прецедентной практике установлено, что экспроприация имущества предполагает выплату адекватной компенсации (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (Former King of Greece and Others v. Greece), жалоба № 25701/94, § 89, *ECHR* 2000-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Платаку против Греции» (Platakou v. Greece), жалоба № 38460/97, § 55, *ECHR* 2001), и структура статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции требует от Европейского Суда учитывать это при оценке требований, касающихся судебных расходов.

3. Наконец, мы бы хотели отметить, что вопросы, касавшиеся несоразмерных судебных расходов, обычно рассматривались Европейским Судом в контексте статьи 6 Конвенции как элемент доступа к правосудию. Интересно, что в настоящем деле Конституционный суд Португалии решил, что судебные расходы представляли собой вмешательство в право заявителей на доступ к правосудию (§ 31 настоящего Постановления). На наш взгляд, это также свидетельствует о несоразмерном характере взысканных судебных расходов.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПЭРА ЛОРЕНСЕНА, ЙОСЕПА КАСАДЕВАЛЯ И ЭЛИЗАБЕТ ФУРА

В настоящем деле большинство судей признали факт нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Мы не можем согласиться с данным выводом по следующим причинам.

Может быть полезно, во-первых, напомнить, что фактически настоящее дело началось с экспроприации земельного участка, принадлежащего заявителем. Стоимость земельного участка оценивалась арбитражным комитетом в размере примерно 178 000 евро. В связи с тем, что заявители не были удовлетворены этой суммой в основном из-за того, что она не включала компенсацию возможной экспроприации карьера, расположенного на земельном участке, они возбудили судебное производство, в котором потребовали выплаты 21 000 000 евро. Вскоре после возбуждения производства они были проинформированы судом о том, что судебные расходы чуть превысят 158 000 евро. Во время процесса были составлены различные экспертные заключения, и, если бы надо было учитывать стоимость карьера, самое благоприятное для заявителей экспертное заключение содержало максимальную оценку его доходности в размере 9 700 000 евро. Эксперт, назначенный заявителем, оценил размер компенсации потенциальной прибыли от разработки карьера в 4 000 000 евро. Все суды Португалии признали, что потенциальная прибыль от карьера не должна была учитываться, установив размер компенсации чуть более 197 000 евро.

Дело, находившееся на рассмотрении Европейского Суда, не касалось вопроса о том, была ли неправильно определена сумма компенсации из-за того, что не учитывались возможные доходы от карьера, поскольку жалоба на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в данной части была отклонена как поданная по истечении установленного срока (§ 35 настоящего Постановления). Вопрос, требовавший решения, касался исключительно того, были ли судебные расходы, которые заявители должны были заплатить (около 212 000 евро) столь чрезмерными, чтобы можно было говорить о нарушении Конвенции.

Европейский Суд часто признавал, что большие суммы судебных расходов при конкретных обстоятельствах дела могут составлять ограничение «права на доступ к суду» в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. для сравнения ведущее Постановление Европейского Суда по делу «Крёйц против Польши» (*Kreuz v. Poland*), жалоба № 28249/95, *ECHR* 2001-II, за которым последовали другие постановления). Именно на этом основании Конституционный суд Португалии счел необходимым уменьшить размер судебных расходов, которые должны были оплатить заявители

(§ 16 настоящего Постановления). Однако заявители никогда не жаловались в Европейский Суд, что их право на доступ к суду, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено, и мы можем согласиться с тем, что Европейскому Суду не следовало по собственной инициативе рассматривать возможное нарушение данной конвенционной нормы.

Вопрос о том, могут ли судебные расходы быть столь чрезмерными, чтобы быть признанными нарушающими статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, ранее не рассматривался Европейским Судом (см. для сравнения §§ 60 и 61 настоящего Постановления). Большинство судей поддерживают мнение Европейской комиссии по правам человека о том, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции применима к судебным расходам, которые следует рассматривать как «сбор» по смыслу второго предложения первого абзаца данной статьи. По нашему мнению, данный вывод не очевиден, по крайней мере, не настолько очевиден, как общий вывод. Можно утверждать, что обязанность по оплате судебных расходов связана с добровольным использованием государственной услуги – судебной системы, а также что это отличает ее от обязанности по уплате налогов и других сборов. Мы отмечаем, что судебные расходы в соответствии с законодательством Португалии имеют фискальный характер (§ 41 настоящего Постановления), но большинство судей, по видимому, не стали ограничивать применимость статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции к ситуациям, когда это необходимо сделать. В настоящем Постановлении оставлен открытым вопрос о том, в какой степени другие платежи за государственные услуги должны рассматриваться как «сборы» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, что порождает неопределенность относительно его пределов. Кроме того, в настоящем Постановлении явно не указано, ограничивается ли применимость данной статьи судебными расходами в случае экспроприации или распространяется на все виды производств, в отношении которых теперь можно подавать жалобы на вмешательство в имущественные права.

Однако мы не должны углубляться в эти обсуждения, поскольку в любом случае, даже если предположить, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции была применима, и имело место вмешательство в имущественные права заявителей, положения данной статьи, на наш взгляд, не были нарушены.

Большинство судей в принципе согласны с доводом властей Португалии о том, что обязанность государства по выплате компенсации за экспроприацию имущества и обязанность заявителей по оплате судебных расходов представляли собой две разные вещи, а также что «судебные расходы не имели ничего общего с экспроприацией, и в качестве таковых они не влияли на вопрос о соблю-

дении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции» (§ 72 настоящего Постановления). Однако большинство судей, по нашему мнению, не сделали правильного вывода из данного допущения.

Из настоящего Постановления очевидно, что большинство судей при оценке судебных расходов, которые должны были оплатить заявители, слишком большой акцент делали на том, что это дело касалось процедуры экспроприации (см., например, §§ 68 и 72 настоящего Постановления). Как и в особом мнении к Постановлению Палаты Европейского Суда, мы полагаем, что большинство судей Большой Палаты также перепутали две разные вещи: компенсацию за экспроприацию имущества и судебные расходы, которые должны были оплатить заявители.

Европейский Суд в своей прецедентной практике до сих пор придерживался мнения, согласно которому по общему правилу вопросы налогообложения решает государство, а также что Европейский Суд должен вмешиваться только в том случае, если система или ее применение в конкретном случае являются произволом. Точно так же вопрос об исчислении судебных расходов должен решаться государствами, причем они должны обладать в этой сфере широкими пределами усмотрения. Как продемонстрировано в сравнительно-правовом исследовании, доходы от судебных расходов используются в различных целях, и, на наш взгляд, каждое государство должно само решать, как оно будет финансировать судебную систему, пока это не становится препятствием для доступа к правосудию и не возлагает чрезмерное бремя на определенную группу лиц. В последнем случае речь идет о дискриминации. Однако подобные ситуации должны, как сказано выше, оцениваться на предмет нарушения статьи 6 Конвенции или статьи 14 Конвенции, взятой во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции. Следовательно, настоящее Постановление можно толковать как первый шаг к тому, чтобы отклониться от принципа, который ранее непреклонно соблюдался в прецедентной практике Европейского Суда, а именно принципа, в соответствии с которым обложение налогами

и сборами, как правило, не может быть оспорено на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. На наш взгляд, такое развитие практики не будет полезным.

В настоящем деле не оспаривалось, что действовавшим в Португалии правилам о судебных расходах не доставало ясности или предсказуемости. Пункт 1(s) статьи 6 Кодекса судебных расходов, взятый во взаимосвязи со статьей 13 Кодекса судебных расходов в прежней редакции, давал четкие указания относительно того, каким образом следует исчислять судебные расходы по делам об экспроприации. Заявители не спорили с этим. Единственной причиной, по которой они вынуждены были заплатить судебные расходы, превышавшие размер компенсации, которая была им присуждена, было то, что они требовали завышенную сумму в суде, которая не была подтверждена ни одним из полученных экспертных заключений. Кроме того, заявители были проинформированы судом первой инстанции на ранней стадии производства о том, что судебные расходы будут почти такими же, как и сумма компенсации, присужденная арбитражным комитетом. Их ситуация никоим образом не отличалась от ситуации любого другого участника процесса, требующего сумму, существенно превышающую сумму, которая признана обоснованной. Мы не видим, почему участники процесса по делам об экспроприации должны подвергаться более благоприятному обращению, чем, например, лица, требующие чрезмерную компенсацию за несчастный случай или нарушение договора, независимо от того, является ответчиком по делу государство или частное лицо.

Наконец, в отличие от большинства судей, мы не придаем значения тому факту, что законодатель Португалии впоследствии изменил систему исчисления судебных расходов. Отсутствуют доказательства того, что это было связано с тем, что предыдущая система не соответствовала статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В заключение мы признаем, что не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2020

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.